

Путешествие юного Домового

Валентин Стерхов

Валентин Стерхов

Путешествие юного домового

«Автор»

2024

Стерхов В.

Путешествие юного домового / В. Стерхов — «Автор», 2024

История юного домового, который решил покинуть свою семью, чтобы повидать окружающий мир, но, став жертвой коварства в самом начале своего пути, был вынужден отправиться на поиски волшебного артефакта. Во время своего занимательного путешествия он познал от своих соплеменников все свойственные людям черты характера, неожиданно открыв в себе стойкость и волю к победе.

© Стерхов В., 2024

© Автор, 2024

Валентин Стерхов

Путешествие юного домового

Глава 1.

Солнечные лучи яркими иглами проникали в заставленную мебелью жилую комнату сквозь распахнутые настежь окна, неяркими бликами отражаясь в стеклянных дверях книжного шкафа. Мебель и разнообразная домашняя утварь отбрасывали блеклые тени на густой ворс богато украшенного узорами ковра. Тени неспешно изменялись в размерах, следуя за движением светила. Только два тёмных силуэта над телевизором вели себя довольно странно и не отбрасывали тень, явно не желая подчиняться законам природы. Если бы люди смотрели на тот телевизор прямым взглядом, то вряд ли бы заметили что-нибудь странное. Но взгляни кто из людей боковым зрением, как бы вскользь, то непременно смог бы увидеть двух опрятно одетых человечков, один из которых носил просторную клетчатую рубаху в комплекте с такими же клетчатыми штанишками, был обладателем густой белобрысой шевелюры, расчёсанной на прямой пробор и аккуратно постриженной богатой бородой. Второй же напоминал взъерошенного подростка и был одет в подобие футболки и трико чёрного цвета. Они сидели на краю, беспечно болтали ножками и, оглядываясь, время от времени, вели неспешную беседу.

– Вот мы, домовые, должны всегда держаться своего дома и домашнего хозяйства. Ну, того самого, что нам положено по-нашему предназначению. Хотя по праздникам и можем позволить себе с банником аль другим каким добрым соседом бражкой побаловаться, и то особо не разгоняясь. Знаем мы этих банников! Они в бане живут, за печкой приглядывают, да крысмышей время от времени прогоняют, чтобы не залезли куда не надо, покуда люди в предбаннике пивком-кваском разгоняются. Оттого работа у них тяжёлая и отчасти нервная. Вот и рады они разговеться, лишь только повод подвернётся. Так что надобно с ними аккуратно праздники праздновать. Озорной они народец. Мне ли не знать! Чуть понесёт нелёгкая такого вот молодца учить мышей, чтобы те строем ходили, значит, пора настала нашему брату-домовому домой, стало быть, собираться. Ведь ты сам посуди, если праздник, то он и в бане праздник, и дома. А это значит, что у жильцов посуда немытая в раковине, ключи да кошельки разбросаны посреди ношенных носков и прочего ненужного хлама. А тут ещё энти, тьфу на них, телефоны, которые без конца теряются. В первую очередь именно их с пола поднимать надобно, да куда поукромнее прятать. А не то, неровен час, пойдёт жилец по нужде, да спохмела наступит на ту самую стекляшку. Ой, шуму будет! А далее расстройство душевное последует и полная апатия! Ты же видел людей, у которых печаль по поводу и без. Страшные создания! Чего-то всё бурчат, ругаются, на кого-то, вещи свои, вдобавок, везде разбрасывают. А всё из-за чего? А из-за того, что сами недоглядели. И честным кутникам-домовым порядок за них наводить приходится, слушая всякое про себя непотребство! Вот по тому, значит, и надо телефоны разбросанные куда подальше прятать. За диванную подушку, например. Ибо эта вещь у людишек отныне первостатейную ценность имеет! И какохранишь ты этот телефон в целости для жильца, так и сиди себе спокойно, зная, что никто его не разобьёт, а стало быть, и не захандрит на всю квартиру! И будет в доме тишина и покой!

Маленький рассказчик задумчиво потеребил бороду и продолжил:

– Так-то вот, Углёнок, приблизительно рисуется мне цель нашего существования и наше предназначение в этом мире.

– Батя, всю свою жизнь я слышу от тебя про то, что наша обязанность -за людьми приглядывать, да в толк взять никак не могу, зачем конкретно мне это нужно? Сколь домов мы

сменили за жизнь? Чего только не прятал ты от жильцов по щелям и подушкам, оберегая людское имущество от слома, а их, людей – от хандры! Вспомни хотя бы ту брошь драгоценную, что барыня в позапрошлом веке обронила в будуаре, да на ковёр персидский! Ну, спрятал ты брошку ту, чтоб каблуком хозяйским её не раздавили невзначай! Так ведь обнаружили её, почитай, только век спустя, и то не прежние хозяева! Да как принялись весь дом ломать, чтобы, значит, ещё таких же найти! Я сам слышал из подпола, как один из людей, весь такой из себя официальный, распорядился тот дом по кирпичику разобрать, но драгоценные сокровища извлечь на свет Божий. Дескать, для дела построения всеобщего коммунизма такие брошки страсть как необходимы! Вот тогда я впервые без дома и остался. А всё через твою заботу о людском благополучии! Так вот и скитались с тех пор ты, я, маманя, да сестрёнка малая по свету, покуда на хоромы новые не набрели. Так что не к добру все эти пряталки вещей от их истинных хозяев, пусть и с добрыми намерениями. А вот что такого ты спрятал во втором доме, после чего от дома того лишь фундамент один остался?

– То мне самому неведомо, сына. Насколько я помню, ничего такого. Бедный был дом. Безделиц мало, да нужного скарба наперечёт. Но жильцы добрые его населяли. Как сейчас помню, сверху ухнет да затрещит, запольхает. Насилу ноги унесли! А в округе ни единого целого дома не осталось! Но кирпича разбросано много и фундаменты, трубами печными украшенные, да дым столбом, запах гари и плач людской повсеместно. Видать, снова люди чего-то меж собой не поделили, а нашему брату из-за них опять кров искать!

– Ну, поютились в подвалах недолго. Так ведь опять люди жильё себе отстроили лучше прежнего, ветхого! Чего зря на них наговаривать?

– Однако дом дому рознь! Ведь раньше как жили? Один дом – одно семейство в нём и проживает. Да нас, домовых, одна семья на тот самый дом. А сейчас что за безобразие кругом творится? К примеру, дом один о десятках этажей стоит, стало быть, и жильцов в нём много расселилось. Только нас, домовых, на них на всех не хватает! А где нас нет, там нет уюта. Зато ссоры и разлады промеж людей процветают! Ну а там, где мы...

– Там ключи и телефоны по креслам да диванам прячут! – подросток озорно захохотал собственной шутке.

Его отец сделал вид, будто рассердился на него и строго приструнил сына:

– Цыц мне тут! Прячут, – передразнил он, – тоже мне, остряк нашёлся! И потом, не прячут, а сберегают! Улавливаешь разницу?

– Гвоздок с третьего этажа, что к тётке Пельменихе прикатил на выходные попутными электричками, сказывал: дескать, живёт он на приволье в каменной избёнке о трёх этажах с большим огороженным участком вокруг. И в местечке том все дома такие! И на каждый дом по одной семье. Ну и люди, конечно же, там проживают, хотя и нечасто. И, что характерно, тоже одной семьёй на один дом! Так-то вот!

– Это где же ты Гвоздка повстречать успел? – слегка удивился бородатый кутник прыткости своего отпрыска. – Ты ведь из квартиры не выходишь!

– Он по батарее стучал в надежде найти кого из кутных, чтобы знакомство свести да лясы поточить. Ну, я и не выдержал, стукнул в ответ. Он квартиру вычислил неведомым образом, как он этот финт провернул – не рассказывал, и повторил опосля батарейный стук в дверь! Любопытство меня взяло, что же это есть такое. И поколдовал я над замком в прихожей, покуда дверь не открылась. Так вот и познакомились. Но не сидится ему на одном месте, к тёплому морю тем же вечером укатил, – Углёнок вздохнул о своём, а отца проняло любопытство:

– Ну чего же ещё энтот твой Гвоздок рассказывал?

– Работы в тех домах для справных домовых отродясь не бывало! Лежишь себе на диване, сопишь в обе дырки на одном из этажей, отдыхаешь. Как устал отдыхать, пошёл на следующий этаж, чтобы на другом диване поваляться. Пока поднимешься или спустишься на этаж, опять, стало быть, устал, прилёг, полежал. И так всё свободное время. Вот и бродят по дому ровно

неприкаянные, прислугу от скуки пугают. Потому Гвоздок, уставши от подобной жизни, решил поколесить по свету, родню повидать, себя показать.

– Золотая молодёжь! Палец о палец не ударил. Всю жизнь, понимаешь, лёжа провёл и, видите ли, устал! – возмутился отец. – А как же порядок в доме? Они воздуха свежего там обдышались аль поганых грибов от безделья объелись, раз совсем ничего не делают?

– У тех, у жильцов, что с семейством Гвоздка в том доме приютились, специально обученные нашему ремеслу слуги заведены. Только они люди. И ходят эти слуги по дому да по двору, прибирают всё и пылинки сдувают. В порядке, стало быть, хозяйство держат. А банник у них, шепнул по секрету мне Гвоздок, и вовсе ничего, окромя бражки, не потребляет. Люди его, стало быть, приучили.

– Да банников энтих и приучать не надобно. Сами до бражки страсть как охочи! Чего же ещё Гвоздок тебе любопытного поведал?

– Гаражник в том хозяйстве один лишь живёт припеваючи! Нашёл себе занятие по душе, да и копаются в машинах антикварных, всё завести их мечтает!

– Надо же! – призадумался отец. – Даже такой кутник в природе имеется.

– Гвоздок сказывал ещё, что на перроне вокзала познакомился с кутником по имени Подстаканник. Тот оказался не кем попало, а самым настоящим вагонным! И хвалился тот вагонный про то, что всё объездил на своём поезде и везде побывал! Раньше, когда поезда Ещё редко ходили, и были вагоны внутри неказисты и неудобны для проживания, их, вагонных, было очень мало, и считались они отчаянным народцем. А в нынешние времена, когда внутри чистота и порядок, что даже людям стало нравиться в поездах ездить, в вагонные потянулись все, кому не лень. Семьями обзавелись, целые поезда в чистоте и порядке содержат, но их всё одно до сих пор маловато будет. Бывает так, что на весь состав рабочих рук не хватает. Вот и выходит, что два вагона на состав в чистоте да порядке, а в третий хоть не заходи! Но вагонники и пассажирам помогать умудряются, следят, чтобы всякие рогатки вещи свои не забывали. И нашему брату – кутнику всегда помочь рады добраться туда, куда есть необходимость! Так что не пропаду в пути-дороге! Помогут добрые вагонники доколесить до Большой Пристани, а за проезд ничего, кроме хорошей компании, они не попросят!

– А я всё думал пристроить тебя к нашему ремеслу, почётному и очень нужному, – вздохнул отец. – Сам посуды: уютный дом, тёплая кровать за тумбочкой в людской опочивальне, еды сколь хочешь! Ты был бы сыт ежедневно, а люди даже не заметят, как кусочек – другой стал немного поменьше. Но приятнее всего, когда сами жильцы выставляют тебе блюдечко с молоком и какую-нибудь вкусняшку! Знать, чтут твой труд и уважают тебя! Рабочий день не нормированный. Что правда, то правда. Но опять же, коты дома нет, а это несомненный плюс! С этой тварью ещё сдружиться надо суметь. А ежели он ни в какую – пакуй в свой узелок нехитрые манатки и в путь, искать, значит, новое пристанище. Так что нам ещё повезло во всех отношениях!

Домовые проводили глазами муху, облетевшую люстру и пристроившуюся на ней.

– Привет, Доня! – поздоровались они с притихшим в люстре насекомым, и отец продолжил отговаривать своего отпрыска от сомнительного предприятия:

– А подумал ли ты о своей матери? О своей сестрёнке? Что скажут они о твоей безумной затее?

– Мама сказала уже своё слово, – немного резко ответил сын. – Она мне шепнула про родственника, что как раз на Большой Пристани обретается с тех стародавних времён, когда и пристани никакой там в помине не было, а была убогая рыбацкая деревенька. Он должен подсобить. Так что найти мне его следует непременно, а иначе вся моя затея может закончиться, так и не начавшись. И привет ему при встрече обязательно передам!

– Ох уж эта мама, – вздохнул для порядка отец. – Кто только бабу за язык тянет! Лучше бы уютюг включила хоть раз, пока жильцов в доме нет. Они бы пришли, увидели уютюг, включённый

на гладильной доске, сразу бы вспомнили, что бельё гладить надобно! Никакой от неё пользы! А того самого родственничка я знаю лично!

Отец заелозил на телевизоре от нахлынувших воспоминаний и выдавил из себя с неохотой:

– Тот ещё шkodник! Он к нам не так давно, перед твоим рождением, в гости на перекладных экипажах добрался. В подарок привёз диковинную зверушку морскую, живущую в воде. Скользящая вся такая, что твой холодец! Знай, плавает себе в стеклянной банке и ни о чём не думает, цветами разными переливается! Красиво, да! Но весьма не практично. Мы за встречу, как положено, зелья заморского, что по виду чай, а по вкусу дёготь, выпили. А дядька конюшенный возьми да закуси той зверушкой по неведению. Стал он с тех пор у аистов в гнёздах прибираться. Царство ему небесное, иными словами. Так, кажись, люди в этих случаях говорят. Ведь крепкий хозяйственник был! Ещё у самого Батыя за лошадьми ухаживал! Так что родственник – тот ещё окаянник! – веско подытожил батя. – А ты к нему собрался под опекунство ехать! Чую, попечёт он тебя так, что бока пригорят, пропащая ты голова! Ну, раз решил, неволить тебя не стану. Всё одно руки у тебя не к месту приставлены. То за жильцом унитаза смоешь, то дверцу холодильника закроешь за ним, а то и кастрюлю с супом, что вскипела, выключишь. Распускаешь ты людей, а их надобно держать в ежовых рукавицах вот с такими иголками!

Отец развёл руки на всю ширину и показал, какого размера должны быть эти иголки.

– Это чтобы людишки не расхлястывались, не то порядку в жилище не будет. Ведь это мы приглядываем за уютом в доме, потому мы есть домовые!

Отец примолк на несколько секунд, о чём-то задумавшись, потом провёл заскорузлыми пальцами по аккуратно расчёсанному усам и пробубнил в заключении разговора:

– Намекнёшь, бывало, мусором, брошенным под ноги, жилец наступит на него, словами непонятными выражаясь, оглядит нашу квартиру задумчиво, а потом возьмёт пылесос, да и пропылесосит её всю! Вот таким образом и содержат в чистоте своё жилище справные кутники. Или меня не зовут Горюней!

Глава 2.

Углёнок вырос обыкновенным домовёнком, среднего роста по меркам домовых, а по людским – до загривка у котёнка едва доставал макушкой. Спокойного нрава, но не в меру любопытный, он ничем особенно не отличался от отпрысков других семейств кутников, живущих по соседству и иногда заглядывавших в гости или приглашавших к себе на чаепитие его семью. Углёнок носил самую обыкновенную одежду, сшитую заботливой мамашей из левых носков человека из их квартиры, который вечно терял один носок из пары и потому нередко одевал разнопарные носки, чем выводил из себя супругу, то и дело называвшую его неряхой и растеряхой. Но Углёнку эти склоки были не интересны. Более того, он считал их некой человеческой забавой, придуманной людьми, чтобы развлечь себя, любимых и потешить публику. Ведь у Углёнка имелось много похожих костюмчиков. Ровно столько, сколько было утеряно носков.

Любимым времяпровождением он считал созерцание двора с высоты шестого этажа. Особенно домовёнку нравилось смотреть, как дворовые коты сражаются за место на помойке и болеть за победу то одного, то другого бездомного котейки. Но кошачьи турниры имели разных победителей, вплоть до того момента, пока во дворе не появлялся Дымчатый. Такого окраса был кот, которого стороной обходили даже бродячие собаки, не раз проверившие на собственной шкуре остроту его когтей. Серый, с белой манишкой и белыми лапками, котьяра был отменным бойцом, поэтому все схватки с его участием было интересно наблюдать. но результат оказывался только один – его неизменная победа. А это убивало интригу.

Ещё Углёнок любил в присутствии супруги жильца колыхать шторками и наблюдать за суетливой беготнёй женщины в безнадежных поисках мнимого сквозняка и борьбой с ним, которая подразумевала заклеивку оконных щелей пластиковых окон клейкой лентой. При этом её супруг философски молчал под гул телевизора и только посмеивался, наблюдая за дамой со скотчем, что отдирала старые полоски клейкой ленты и приклеивала вместо них новые, которые заменяли старые с одинаковым результатом. То есть безуспешно.

Когда домовёнок достиг первого многолетия, что по летоисчислению кутников, век которых длится не одну сотню лет, ознаменовало завершение периода сопливого детства и начало взросления, пришла пора давать ему имя по его способностям. По имени кутника всегда можно определить, что он из себя представляет. Говорят, в деревенских избах живут старые бабки-домовихи, толковательницы имён, которые любое заковыристое имечко, что носит кутный, растолкуют и по полочкам каждую букровку разложат. К ним за советом домовые ходили в старые времена имя сынуле или дочурке подобрать, чтобы непременно в точку и стыдно при том не было. А в городе старые порядки отмирают сами собой, бабки и подавно в таком количестве не водятся. Вот и решил отец пристроить сынка к настоящему Занятию, да присмотреться, на что годным его отпрыск вырос, дабы имечко подобрать правильное, ибо ничего лучше, чем Лоботряс, ему на ум пока не приходило. А это было обидно.

Решили начать с простого и поручили домовёнку помыть посуду. Смысл их действий был прост: домовые привлекают внимание жильцов квартиры к набитой посудой раковине, и человек, подойдя к ней, уже не сможет отойти от горы грязной кухонной утвари, не закончив мытья тарелок. Такое не со всеми и не всегда срабатывало, но шансы были велики на ожидаемый кутниками финал. В конце концов, в том и заключался весь смысл их помощи людям. А Горюня мнил себя на этом поприще настоящим профессионалом.

Для этой цели был выбран вечер того дня, когда люди не выходили на работу, но день при этом называли "выходным" и очень его любили. Жильцы по своей извечной привычке складывали немытые чашки и тарелки в раковину на кухне и тихонечко ленились, лёжа в спальне на большой кровати.

Неслышными тенями папаня с сыном просквозили на кухню, и с отцовского разрешения домовёнок, пока ещё откликнувшийся на одинаковое для всей молодой поросли имя Кроха, открыл кран. Рванувшая под давлением струя воды ударила по грязным тарелкам, разнося вместе с сотнями брызг по стенам кухни капли жира и кусочки недоеденного ужина. Отчего-то звук воды, бившей с яростным напором, не привлёк внимания жильцов, и они не спешили бежать на кухню, чтобы навести на ней порядок. Горюня дважды сбегал в спальню на разведку и оба раза вернулся, раздосадованный тем, что его показательный урок проходит без основных действующих лиц.

– Они в спальне. Кроватью скрипят. Ремонтируют её, стало быть, – авторитетно заявил он.

– Только в темноте им должно быть как-то не сподручно. Люди во мраке обычно ничего не видят, – прибавил папаня, задумчиво почесав затылок.

После томительного ожидания решено было привлечь внимание людей простым техническим решением. Горюня с Крохой приложили немало усилий, чтобы свинтить пластиковое крепление со слива под раковиной, и грязная вода рванула на чистый ламинат пола, устремившись из кухни в коридор, а оттуда растекаясь по квартире, но забыв затечь под полуприкрытую дверь спальни. По-прежнему не наблюдая должного эффекта от собственных безупречных действий, и чувствуя некую неловкость перед Крохой, отец забегал по коридору, шлёпая по лужам и выкладывая тапками и прочей обувью канал для потока с кухни.

– Строй запруду, сынок! Направляй воду под дверь!

Домовые носились с азартом, выстраивая русло в сторону спальни и было видно по их вдохновлённым лицам, как им нравилась их работа.

– Это мы с тобой, сынок, ещё пол во всей квартире вымоем! Цельных два полезных дела за сегодня сотворим! Люди что? Знай себе, отдыхают, а мы трудимся, не покладая рук! Потому как это и есть наше предназначение – людям помогать!

– Видишь, Мышка, как мужчины наши трудятся, – тем временем говорила маленькой белобрысой девчонке, младшей сестрёнке Крохи, их мать по имени Пужанна.

Пужанна и Мышка наблюдали за действиями домовых под умелым руководством Горюни, сидя на удобном боковом подлокотнике кресла. Младшая Крохина сестрёнка болтала ножками и задавала по-детски наивные вопросы, растягивая в словах гласные:

– Маам, а маам! Вода очень жидкая?

– Да, дочурка. Она такая, что в любую, даже самую маленькую щёлку просочится. Даже если та щёлка будет тоньше твоего волоска.

– Тогда она сможет просочиться вниз, где другие люди живут?

– Может, дочка. Ещё как может. Даже наверняка просочится, я уверена!

– Получается, что папа с братом у них потолок помоят?

– А как же! Непременно помоят! А ещё и пол, когда она с потолка вниз потечёт! – маманя с любовью посмотрела на выверенные и спорые движения мужа. – За четверых стараются, труженики!

Но вот за дверью спальни раздалась человеческая речь. Поначалу, с какой-то явно не уверенной интонацией в голосе, женщина стала что-то втолковывать мужчине, но тот отвечал ей с неохотой и даже ленцой, как будто только что голыми руками мамонта завалил на обед, сам поел, супругу накормил, а его ни с того ни с сего отвлекают всякими пустяками от праздного отдыха.

Мамаша тем временем, удобно устроившись на мягком подлокотнике и зорко наблюдая за дверью в спальню, как хулиган на атаке, вложила два пальца в губы и свистнула, подавая Горюне сигнал:

– Идут! Убирай ботинки!

– Убирай ботинки-тапки! – дублируя мамашу, но как будто от себя, скомандовал отец Крохе, и они стали носиться в обратном порядке, распахивая обувь по своим местам.

И вот в распахнувшуюся дверь спальни буквально выломались жильцы. Причём мужчина выговаривал односложные фразы на знакомом языке, но совершенно новыми и не всегда понятными для кутников словами, и, как заезженная грампластинка, повторял их по кругу.

Домовые, не теряя времени, прошмыгнули в угол и со значением перемигивались друг с другом, явно довольные проделанной работой. Больше всех была довольна мамаша, как теневой руководитель проекта, который вкалывал меньше всех, зато больше всех устал на работе. Она с чувством глубокого удовлетворения обводила взором поле недавней деятельности своих мужчин, отслеживая, как быстро и качественно отмывается пол в зале, коридоре, кухне под дружную весёлую брань жильцов их квартиры. Благо, точку обзора она облюбовала себе в центре событий, теперь уже на шкафе-купе в коридоре, куда взмахнула, словно белка, хватко цепляясь за подолы и рукава скользкой кожанки мужчины и пушистой шубы его супруги. Внезапно взгляд её застыл на одной точке в углу коридора, и она тихо присвистнула, привлекая внимание своего мужа. Тот вопросительно глянул вверх, а когда она указала рукой на предмет, лежащий на полу, Горюня со вздохом разочарования закатил глаза, но совладал с эмоциями и сиплым голосом из внезапно пересохшего горла прошептал выглядывающему из-за его плеча Крохе:

– Ты ЭТО откуда вытащил? – старательно выделив интонацией слово "ЭТО" и указывая на одинокую чёрную босоножку, строго спросил отец. Будь Горюня и Кроха людьми, за подобной интонацией немедленно должно было последовать наказание в виде порки ремнём. Но поскольку они представляли редкий по своей доброте вид существ, то Кроха по-простецки ему ответил:

– Из коробки в обувнице взял. Вся обувь в прихожей закончилась, а прореху в запруде устранить было просто необходимо. А тут глядь, коробки с обувками стоят без дела, простаивают. Так почему бы ими не воспользоваться?

– Но ведь сейчас зима! – выдавил из себя отец. – Они эту обувь зимой не носят! Всё пропало! Нас раскроют! Будут важного мужика в рясе вызывать, дабы кадилом вонючим нас вытравливать из нашего же дома! Что делать? Что делать?! Ох, и надышимся мы того дыма! Всё им пропахнет, да жить здесь станет неважно! Уйти придётся! Сынок, что ты наделал?

Прилетевший в их угол комок из пыли с засохшей прошлогодней мухой внутри для утешения привлёк внимание отца и заставил прекратить ненужные причитания. Горюня с Крохой посмотрели на Пужанну, что стояла во весь рост, выставив правую ногу вперёд и уперев кулаки в бока, едва не касаясь потолка головой.левой рукой она указала на прячущихся за углом тумбочки папашу и прижавшегося к его спине сынулю, потом направила руку на босоножку и от неё провела невидимую черту вниз шкафа-купе к громоздившимся в нём коробкам с несезонной обувью, верхняя из которых оставалась открытой, пав немного ранее жертвой Крохиной инициативы. Эта геометрическая фигура как бы показывала план действий сидевшим в углу кутникам: папаша бежит из своего угла до одинокой босоножки, цепляет её и, не останавливаясь, как рука мамы, несётся что есть духу по направлению к шкафу, где упаковывает коробку. Затем, замыкая треугольник, мчится обратно в свой угол, где и поживает на лаврах спасителя семейства от дымящегося кадила.

Отец понял жену по-своему и кивнул головой в знак того, что всё уяснил без вопросов. Он с грустью в голосе сказал слегка растерявшемуся Крохе:

– Ничего не поделаешь, такова наша жизнь. Ведь кто-то должен? – и вытолкнул его по направлению к объекту возможного раскрытия их существования в этой квартире.

– Я верю в тебя, сынок! – лихо напутствовал он.

Не успев прийти в себя от резкой перемены места, но, уже очутившись на линии отрезка, соединявшего его недавнее убежище и одиноко лежащую босоножку, Кроха перевёл взгляд на мать. Та стояла на вершине шкафа в той же позе, но уже закрыв глаза и обхватив голову руками. Покачивая головой из стороны в сторону, выражая тем самым крайнее разочарование умственными способностями Горюни, она произносила шёпотом:

– Ой, дурак! Ой, дурак!

Домовёнок перестал таращиться на мать, потому что её поза и её слова говорили о том, что у отца что-то опять пошло не так, как надо. Он, не теряя ни единого мгновения, прыгнул вперёд, схватил вражескую босоножку и по указанной ранее его матерью траектории, словно камень, запущенный из рогатки дворовым мальчишкой-хулиганом, сильно оттолкнулся ногами и влетел на обувную полку, где вполне успешно пристроил левую босоножку к правой.

"Это ничего, что босоножка сырая, к лету как раз обсохнет", – подумал Кроха, аккуратно перекладывая обувь тонкой и шуршащей бумагой.

Бережно накрыл крышкой картонную коробку и, оттолкнувшись от полки, сиганул в свой угол, где за его успехи болел отец. Но прыжок был коварно прерван неожиданно возникшим на пути препятствием, которым оказалась швабра-самовыжималка. Это женщина собирала воду в коридоре, и домовёнок в полёте вцепился аккуратной причёской в набухшую от влаги ветошь. Кроха замотался в сырую тряпку и только успел схватиться за неё цепкими пальчиками, как его стали возить по мокрому полу, ругая попутно громким шёпотом, чтобы все слышали, современную сантехнику, да непутёвого муженька, что строит из себя хозяина, а сам даже кран починить не может. Швабру возюкали по ламинату, проводя настолько широкую дугу, насколько позволял размер коридора, и безжалостно запикивали набухшую от воды тряпку в корзинку-выжималку ведра. Проворачивали рукоять швабры, отжимая собранную воду, и снова принимались её собирать. Кроха ездил на этой тряпке по полу, не в силах расцепить пальцы. Страх сковал его, и он, мотаясь по дугообразной траектории, ударился о зим-

ную обувь, которую женщина, лениясь нагнуться и переставить, просто раздвигала шваброй. А потом его вновь выжимали в ведре вместе с тряпкой, хотя понятное дело, что суше от этого он не становился.

После третьего окунания и выкручивания, Кроха, наконец, осознал всю нелепость происходящего с ним и, глядя снизу вверх на женские ноги в чёрных сетчатых чулках, очень сильно захотел, чтобы эта женщина не заметила его боковым зрением. Боковое зрение или косой взгляд, как учат домовят с младенчества, очень опасны для них, для представителей кутного народца. Только таким взглядом человек может их увидеть, и тогда не известно, как он поведёт себя в сложившейся ситуации. Зачастую высокие и не в пример более сильные люди начинают весьма хаотично двигаться и закатывать истерики при виде маленького и вовсе не опасного, но, напротив, весьма дружелюбного создания, пребывая в таком состоянии, в котором легко причинить тяжкие увечья домовым. А прямо смотри, не смотри ничего, кроме одежды, смотревшейся нередко, как старые лоскутки, и не увидишь.

Как это чаще всего бывает у людей, всегда происходят вещи с точностью наоборот, чем они хотят. И домовые в этом случае тоже не являются исключением. Так произошло и на этот раз. Во время очередного размашистого движения по полу, завершая уборку в почти сухом коридоре, женщина невзначай искоса взглянула на мокрую тряпку и встретила глаза Крохи, которые умильно смотрели на неё из складок. Она на миг отвернулась, что-то произнеся вслух про чертовщину, замерла, и вновь обратив взгляд вниз, пытаясь разглядеть былое видение, но ничего, кроме старого, давно утерянного носка, не обнаружила. Вновь помянув вслух нечистого, которого ни в коем случае нельзя поминать даже единожды, а три раза подряд и вовсе опасно, она громко крикнула своему мужу, что его старый носок наконец то нашёлся, но он в таком никудашном состоянии, что его необходимо выкинуть в помойное ведро, но она сделает это позже, а пока что бросит его в угол. На это мужской голос с кухни ей объяснил, что она может с этим носком сделать и куда его засунуть. Таких мест в квартире домовёнок ещё не знал и уже начал было примерять к себе печальную участь быть засунутым куда-то, как был подхвачен двумя пальцами с аккуратными красными ноготками и, держась ручками за намокшие штанишки, чтобы не выпасть из них в полёте, приземлился в углу, несильно ударившись плечом и головой об стену.

Внезапно в дверь квартиры раздался очень требовательный стук. Кроха приоткрыл один глаз, потом другой и увидел, как жильцы торопливо выскочили из коридора в свою спальню, а вернулись уже одетыми по-домашнему. Откуда не возьмись, нарисовался отец и без особых усилий взвалил Кроху на плечо:

– Не бойсь, сынок, своих – не бросаем!

С этими словами он драпанул со всех ног в Большую комнату за диван, где их уже поджидала маманя. Она имела насупленный вид и осмотрела отца весьма неодобрительным взглядом, что само по себе не предвещало ничего хорошего, а когда Горюня обратил внимание на тяжёлую столовую ложку, которой она с лёгкостью поигрывала, то неудивительно, что он заметно поубавил прыть, настороженно таращась на Пужанну. Однако папаша слишком поздно понял, что пора уносить ноги, покуда цел.

В это же время в коридоре послышались громкие голоса и глухой стук удара, завершившийся звуком падения тяжёлого тела на пол. Этот звук совпал с треском, который озвучил столкновение ложки и лба Горюни. За диваном оба звука слышались достаточно неплохо и произвели впечатление на кутников.

Под утро сестрёнка обнаружила в кухне у холодильника чашку с молоком, пряники и мармеладки.

– Это, сынок, нам жильцы благодарность подобным образом объявили за то, что мы дела правильно ведём! – нравоучительно произнёс отец, прикрывая разбухший нос и шишку на

лбу. – В кои-то веки оценили труды наши праведные. Так-то вот! Хотя и налили молока ровно кошкам, а всё ж таки приятно!

Горюня с Пужанной и Кроха с Мышью очень любили молоко с пряниками. А что может быть лучше вкусного завтрака! Под такую снедь можно и имя Крохе придумать.

– Так ты говоришь, на швабре катайся? – веселился вовсю отец, как будто не было вчера беспокойного вечера. – Выжимали тебя в ведре? Ха-ха-ха! Быть тогда тебе отныне Тряпкой!

Пужанна потянулась за ложкой, которая, как подумалось Крохе, теперь всегда будет при ней.

– О нет! Будешь Ведром! – заметив её движение и осознав свою оплошность, поправил сам себя отец.

– Ой-ой! – уже убегая, орал он. – Водопроводчиком будешь...

Но метко брошенная ложка уже настигла Горюню, и он понёс очередной урон.

Маленькая сестрёнка, дожёвывающая мармеладку, спросила с набитым ртом:

– Ма-ам, а ма-ам! Почему у дяди из нашей квартиры сегодня один глаз стал маленький, опухший и синий?

– Это потому, дочурка, что наш папа глаз дяде лечил, а сосед снизу ему помог за то, что папа вымыл в его квартире потолок и, возможно, пушистые ковры на полу. Так что сходит дядя ко врачу и станет видеть лучше прежнего!

А молоко с пряниками и мармеладки у холодильника больше не появлялись.

Глава 3.

После того случая Кроху больше не брали на работу по дому, и он слонялся без дела, подыскивая себе занятие по душе, но так ничего и не придумал. Ему только и оставалось, что сестрёнке сопли вытирать или развлекаться тем, что швырять тапком по выключателю в ванной и туалетной комнате, когда люди в спешке собирались на работу и забывали выключать там свет. Порой он ставил заряжаться сотовый телефон, опять же забытый в спешке, а потом подслушивать, как женщина нахваливала эту модель, обладающую, по её словам, самым не разряжаемым аккумулятором на свете. Дело в том, что, разрядив батарею, телефон начинал противно попискивать на всю квартиру, напоминая семейству домовых о своём присутствии, и этот писк выводил из себя, издавая омерзительные звуки. Казалось, порой даже ворс на ковре становился дыбом, словно ковёр был соткан из кошачьей шерсти. Вот и приходилось за телефоном ухаживать, а смыть его в унитаз совесть не позволяла. И потом, где гарантия, что человек не купит себе новый и так же не будет его забывать, уходя из дома.

Однажды, маясь от безделья, Кроха расставил по цвету плоские коробочки с матовыми серыми дисками внутри, которые люди использовали для просмотра фильмов и прослушивания своей несурзной музыки. Кроха тоже иногда пристраивался к ним в компанию и незаметно для людей наблюдал, как на экране телевизора кипела чужая жизнь, яркая, весёлая, а иногда грустная, но так не похожая на ту, которой жили люди в их квартире.

"Неужели им нравится жить в этой одинаковой повседневности, когда можно жить так же, как на экране? Будь я человеком, то уж непременно бы воспользовался первым же шансом, чтобы изменить для себя эти будни, похожие один на другой", – думал маленький домовый.

Только вот отец совсем неодобрительно отнёсся к Крохиной затее с расстановкой дисков.

– Неправильно ты, сынок, порядок здесь наводишь. Как ты их расставил?

– По-моему красиво по расцветке. Чтобы красные стояли отдельной стопочкой от белых, а зелёные от синих. Ведь это и называется порядком?

– Это – по-твоему, порядок, а по-ихнему это бардак! У людей свой порядок есть, и люди им живут. Ведь они не кутный народец, а люди! – назидательно подняв указательный палец, наставлял отец Кроху.

Не понятно прозвучала интонация в словах Горюни про людей. Там было тщательно скрытое пренебрежение этими лентяями и бездельниками, которые так устают жить, что скорее стараются умереть, сокращая свой без того короткий век различными сомнительными удовольствиями. Но присутствовала и нотка превосходства над ними, как над неразумными детками.

– Например, что касательно коробочек, – продолжал вещать Горюня. – Их они ставят не по-нашенски, чтоб красиво, а по-своему. Да так, чтобы названия коробочек шли по алфавиту или по номерам, как они стояли до этого. Видишь сбоку маленькие знаки, что в ряд выстроились, как крысы под дудочку? Так вот, они именуются Буквами. Те же буквы, но побольше размером на крышке коробки.

– А означают они что, эти крысы-буквы? – перебил отца Кроха.

– Я буду называть их просто буквы, – смущённо хмыкнул отец. – Означают они те самые звуки, из которых складывают слова. Вот мы с тобой говорим слово, например, мыло, и слышим в нём четыре звука, хотя мыло – оно одно. Если научиться читать книги, то можно совершенно по-другому смотреть на мир, что тебя окружает.

– А ты умеешь, папа? – опять перебил отцову речь Кроха, на этот раз уже нетерпеливо, что, конечно же, было невежливо. Но тут сложилась такая ситуация, когда надо было ковать железо, пока оно горячо.

Глаза Крохи горели таким любопытством, что, окажись отец на свою беду неграмотным, Кроха вспыхнет ярким пламенем разочарования и осыплется серым пеплом на полку с дисками. Убирай его потом. Но отец в этот раз не подвёл, несмотря на свою несурзную натуру.

– А то, – скромно потупив взгляд, но поправляя роскошные усы и гордо выпятив грудь, выговорил он. – И по старому стилю читать – писать могём, и новому стилю обучены.

– И как? Как ты научился? – не унимался Кроха.

– А я у гимназёров на шее любил сидеть, когда чуточку моложе был. Они, бывало, согнутся в три погибели над книжками своими и учат чего-то там, и учат. Иной раз взрослый человек подойдёт к горе-гимназисту и давай объяснять, что к чему. Бывает, так доходчиво толкует, что даже мне, бестолковому, ясно и понятно. А они, дети, ровно из полена выструганные, вещей простых не понимают и сидят за партой, тупят помаленьку. Когда наскучит на шее сидеть, спустишься на стол и начинаешь забавляться: перья писчие да карандаши по столу катать, перемешивать, линейки да тетрадки со стола спихивать, чтобы учиться веселее было! Вот как-то раз, лет сто пятьдесят – двести тому назад, помню в ...

– Научи меня! – вполголоса пересохшим от волнения горлом выдавил Кроха. – Я тоже читать – писать хочу! Там книг столько, в том стеклянном шкафу, который в Большой комнате стоит, что ввек не перечитаешь! А я и не ведал досель, что в них все тайны мира прописаны!

– Эвон, куда хватил! Кто же тебе такое поведал про те книги?

– Никто. Но я нутром чую: нужны они мне!

– Раз такое дело, так и быть, обучу тебя науке. Но есть один уговор: книги для обучения я буду приносить сам, а тебе в шкафу не рыться! Есть у меня на примете парочка забытых людьми книг: одна между тумбочкой и стенкой в коридоре застряла, вторая под кроватью в спальне пылью покрылась. И ещё просьба есть: ты матери и сестрёнке не рассказывай, что я читать могу и тебя обучать взялся. Мать у нас из старорежимных, а они грамотеев страсть как не любят. Вот и приходится под дурачка шифроваться, чтоб из дому, значит, не выгнали. А уж, коль она прознает, как я писать умею, то представить не трудно, на что она и её ложка способны.

Глава 4.

Прошла неделя с тех пор, как Кроха начал постигать грамоту, но увлекательное занятие вскоре обернулось выматывающим до изнурения заучиванием букв и банальную зубрёжку. А отец спуску не давал:

– Ты, как тот конопатый школяр с красным галстукон на шее, в носу пальцем ковырялся, да всё норовил знания в свою башку через нос пропихнуть. Вытащит палец, вытрет о штанину, руку сменит и опять палец в нос пихает. Так и вырос неучем. Самолично видел. Вынь пальцы из ноздрей! Аль намёков не понимаешь? То-то же! Учи азбуку не по буквам, а по слогам, так-то оно сподручнее пойдёт.

Ничуть не смущаясь, Горюня обучал Кроху по старому телефонному справочнику, в котором слова располагались по алфавиту, и в этом состояло главное удобство книги. Попутно заучивая цифры, Кроха уже разбирался сам кое в чём, но помощь наставника по-прежнему была не лишней. Так они проводили день за днём, сидя высоко в углу на широком гардеробе, что стоял деревянным монументом сменной одежде жильцов в людской спальне. Они взбирались на него по оконным шторам, затем осторожно передвигались по скользкому карнизу и прыгали с него на шкаф, где занимались в своё удовольствие изучением азов литературы, пока Пужанна думала, что отец с сыном работают по хозяйству, и не беспокоилась ни о чём.

Вечером, уставший от гранита науки Кроха и вполне себе отдохнувший Горюня, считающий, впрочем, что день прошёл не зря, весело прыгали со шкафа, хорошенько по нему разбе-

жавшись и оттолкнувшись от края. Они падали прямиком на широкую мягкую кровать, которая вступала в их игру и подбрасывала отца с сыном на своём пружинящем матрасе, отчего они продолжали свой полёт, пока не приземлялись на мягкие подушки. Ещё находясь на шкафу и готовясь к разбегу, Горюня и Кроха спорили всякий раз, кто из них дальше прыгнет. Спор не приводил ни к чему, а длинный прыжок всегда оставался за домовёнком, отчего он был страшно горд собой, но виду не показывал. Зато отец был доволен успехами своего отпрыска, как в постижении грамоты, так и в исполнении прыжков, отчего даже стал называть Кроху Прыгунком, но только тогда, когда они общались исключительно между собой. Не то услышь мать их разговор, то сразу прицепилась бы:

– А почему Прыгунком? А где прыгал? А куда? А почему я не знаю?

И вытаскивала бы свою большую ложку, недобро поглядывая на отца и примериваясь той ложкой к его натруженному челу. Потому и хранили они свои занятия в тайне, зная, что врать Пужанне бесполезно. Лучше промолчать лишний раз и общаться, сидя высоко в углу, безопаснее шёпотом, чтобы мать или сестрёнка не услышали их ненароком, и их секрет не был раскрыт.

Отец всё-таки начал уходить со шкафа на работу, так как Пужанна всё же почуяла неладное, и ему надо было для отвода глаз хотя бы создавать видимость выполнения какого-нибудь полезного занятия. А Кроха, получив от Горюни задание разобрать слово по слогам и найти похожие слоги в других словах, оставался сидеть на высоком пыльном гардеробе в ожидании вечера и возвращения отца, чтобы правильно ответить на его нехитрые вопросы, а потом вместе сигануть со шкафа на кровать и снова выиграть в прыжке. В конце концов, домовые решили, что будет полезно перейти к следующей стадии обучения, а именно – начать чтение какого-либо литературного шедевра. Выполнивший с честью несвойственную ему функцию телефонный справочник был с почтением возвращён на место за тумбочку и аккуратно присыпан пылью. А взамен его Горюня поднял на шкаф с помощью связанных между собой поясков от женских халатов иллюстрированный журнал "Вокруг света". Кроха, перестав отвлекать мать и сестрёнку какими-то глупостями, лишь бы они ненароком не спалили отца за этим занятием, серой тенью взлетел на платяной шкаф и с напускной важностью оглядел обложку. Потом произнёс фразу, как он считал, весьма учёную:

– Эта книга, мне кажется, более чем сверхлюбопытна.

– Чего? – не то не понял, не то не расслышал отец.

– Сверх более чем любопытна, – задумчиво ответил сын, окончательно введя отца в замешательство, но, не обращая на него внимания, с головой погрузившись в чтение заголовков статей и просмотр красочных иллюстраций.

"Переучился малец. Пора завязывать с грамотой. Видать, и впрямь ни до чего хорошего это занятие не доведёт", – заключил между тем Горюня, с родительской озабоченностью глядя на вихрастую башку сына.

Журнал был намного тоньше, но имел больший формат, нежели справочник, в отличие от которого, глянцевые страницы были пропечатаны фотографиями из чужой мира, пока ещё неведомого молодому кутнику. У Крохи создалось впечатление, будто шёл человек или какой-нибудь странный зверь по своим делам, а для домовёнка все звери, кроме кошек и собак, были странными, его вдруг остановили и большими невидимыми ножницами вырезали из его жизни вместе с окружающим пейзажем, а затем аккуратно поместили на страницу журнала. На тех страницах были изображения невиданных городов, диковинных цветов и недостижимых в высоту деревьев, подле которых люди выглядели размером с муху. Но самое главное, что увидел домовёнок на этих страницах, было море. Оно было бирюзовое, влекущее свежестью и прохладой, окаймлённое белым песком тропических пляжей. Ещё оно было тёмно-синее, прикрытое серым небом без облаков и грозно ошетилившееся оскалом чёрных утёсов. Оно было разное, но манило к себе неподдающейся пониманию, зачаровывающей, опасной красотой.

Разглядывая цветные иллюстрации с затаённым дыханием, Кроха спросил у отца:

– Па-ап, а в тех местах, откуда вырезали эти картинки, теперь прямоугольные дырки? Ведь если из кусочка ткани вырезать квадратик, чтобы пришить его заплаткой на портки, то на ткани будет квадратная дыра!

Отец не упустил возможности весело расхохотаться, но всё же объяснил обидевшемуся Крохе его детское заблуждение:

– Ну, уж нет, сынок! Чему не бывать никогда, так это квадратным дыркам в пространстве. И любым другим дыркам тоже! Сколько я ни живу на свете, сколько таких вот картинок в разных журналах да газетах не видел, а подобных дырок в природе отродясь не встречал! У людей агрегат специальный имеется, Фотоаппаратом наречённый, с помощью которого люди похожие картинки сотнями штампуют. И имя им – Фотоснимки! К примеру, взять портрет, что стоит в гостиной в красивой рамочке. Жильцы наши на нём в обнимочку стоят да на улице под деревом зелёным улыбаются. А ещё они по квартире нашей ходят, топают, ругаются иной раз, только их и слышно. Стало быть, никто их из жизни не вырезал, и улица в целости и сохранности стоит, совсем не дырявая даже. Так что, выходит, фотоснимки в журнале точно также примастырили, только с видом иным! Вот как-то так! Хотя, признаться, название журнала меня слегка смущает. " Вокруг света" – чтобы это значило?

– Ой, папа, да что тут непонятного! В комнату заходишь, свет себе включаешь и начинаешь вокруг люстры хоровод водить, или просто бегать вокруг неё, если один ты, к примеру, в комнате! Или не знаю, что ещё они там со светом делают! Может, вокруг пальца его обводят, обманывают, то есть. Они – люди, им виднее, – торопясь поглазеть на фотоснимки, не глядя на отца, добавил Кроха.

В тот день у домовёнка не было занятий, ведь он был погружён в раздумья, разглядывая красочные снимки и пока ещё с трудом читая подписи под ними. Отец же молча сиганул со шкафа на кровать и пошёл помогать людям лепить пельмени.

Мало-помалу молодой кутник освоился с человеческой грамотой и уже исписал особенно понравившимися словами кусок обоев, старательно выводя каждую букву огрызком карандаша. Грифель постепенно истирался, и Кроха всерьёз опасался, что рано или поздно наступит момент идти точить карандаш, ведь нож ему строго-настрого запретили трогать родители. А он уже не маленький, он писать и читать умеет не хуже многих.

Время летело за изучением журнала незаметно, и читал Кроха уже вполне сносно, не разжёвывая каждую букву, но пробегая текст целиком, проглатывая абзацы, даже не замечая этого. Буквы сами, будто дрессированные, складывались в слова, а слова – во фразы, фразы в предложения, смысл которых Кроха не всегда понимал, а если и понимал, то не полностью или даже по-своему. Тем не менее, для него было здорово ощутить свою причастность к неизвестному до сих пор миру, который окружал его город, в котором стоял его дом, в котором была квартира, в которой он жил со своей семьёй. И маленький домовый, сидя на высоком шкафу в своём укромном уголке, погружаться в этот мир с головой.

Домовёнок не задумывался в то беззаботное время ни разу о том, как долго такая жизнь, похожая на сон, может продолжаться. А уж сколько дней он провёл, сидя на шкафу, залезая на него утром с корочкой хлеба да бутылочкой воды и спрыгивая вниз лишь для того, чтобы показаться матери на глаза и поспать, он и не думал считать, потому что, во-первых ему это было не интересно – днём больше, днём меньше, от домового не убудет с его то длинным веком. А во-вторых, считать он плохо умел, так как не счёл нужным тратить на счетоводство своё время в ущерб увлекательнейшему чтению.

Только в жизни всегда случается так, что даже самая тягостная рутина рано или поздно заканчивается, а беспечная и интересная "ежедневщина" проходит ещё быстрее. Не умудрённый жизненным опытом молодой кутник и не помышлял о том, что однажды наступит час, когда его идиллия завершится. Как предвестник грядущих перемен, отец ещё два дня тому

назад заявил, что его титанический труд по приобщению отпрыска к литературе завершён, и не видит он более ни малейшей перспективы каждодневно торчать верхом на шкафе, подвергаясь ежевечернему унижительному второму месту по прыжкам на кровать. Завершая это объявление, отец непроизвольно втянул ноздрями воздух, и маленькая пылинка немедленно влетела ему в нос, отчего он очень громко чихнул. Пробормотав себе в бороду невнятно что-то насчёт приборки на шкафу, он с протяжным криком "У-у-ух"! разбежался и сиганул на кровать. Только Кроха его и видел.

Кроху с детства учили подмечать всё необычное и выбивающееся из привычного жизненного ритма, делать выводы и сторониться грядущих перемен, что являлось залогом выживания в мире, в котором правят неправильные существа – люди. Но он, увлечённый чтивом, перестал придавать значение, чему бы то ни было ещё. И вот однажды, сидя в своём уголке и дочитав очередную страницу, он попытался её перелистнуть, но не тут-то было. Ошарашено осматривая глянецовый лист снизу вверх, он заметил маленькие пальчики, крепко вцепившиеся в край журнала. Сердце билось в груди, пока он, переводя взгляд с пальцев на руку, с руки на плечо, не добрался до знакомой макушки, расчёсанной на пробор, и двух туго затянутых ленточками косичек, от чего они были задраны вверх. На душе отлегло, но тут же всплыли очевидные вопросы: "Как так?" и "Что теперь делать?". А сестрёнка сидела напротив и, не обращая никакого внимания на братца, крепко держалась за край журнала, с большим интересом рассматривая картинку с изображением древнего города. Страница из крепкой бумаги вот-вот могла порваться, и тогда одна из красивейших картинок с подписью "Запретный город" могла запросто лишиться солнца, светившего на этот город из верхнего правого угла.

– Ты чего это делаешь? – недовольно поинтересовался у сестрёнки Кроха.

– Хочу! – просопела в ответ сестра, всё своё внимание уделяя исключительно красочной иллюстрации.

– Не надо так, ещё порвёшь, чего доброго. Я лучше сам тебе покажу, – наконец догадался уступить младшей домовёнок. – Смотри, сколько здесь интересного!

Он выпустил "Вокруг света" из рук, а младшая сестра, завладев трофеем, начала беспорядочно листать страницы от начала и до конца, затем в обратном порядке, не успевая, кажется, даже разглядеть, что изображено на больших листах.

– Малышка, ты ведь можешь бережно относиться к моему журналу? – применив впервые в жизни прозвище "Малышка" к младшей сестре, попросил брат.

Он ещё больше стал опасаться, что бумажные листы не выдержат такого к себе бессердечного отношения, поэтому, не дожидаясь ответа, потянул "Вокруг света" на себя.

Сестрёнка перестала листать и вцепилась в толстый переплёт.

– Отдай! – попытался проявить настойчивость Кроха.

– Нет, ты отдай!

– Ты же читать не умеешь!

– Это ты не умеешь!

– Я умею, а ты нет!

– Зато я картинки смотреть умею! Вот так вот!

Внезапно гладкая обложка журнала выскользнула из вспотевших Крохиных ладоней, и он по инерции откинулся назад, больно ударившись головой об исписанную красным карандашом стену. Сквозь застилающую глаза пелену он заметил, как сестрёнка с журналом скрылись за краем шкафа, а снизу раздался испуганный женский крик. Сегодня у людей был выходной, но по заведённому у них порядку они никуда не вышли, а напротив, остались дома.

Домовёнок очнулся от прикосновения чего-то влажного к своему лицу.

– Мама, – в блаженном неведении протянул он и, улыбаясь, открыл глаза. Но мокрая розовая тряпка была не мама, а ветошь для протирания пыли, и Кроха, заскользив пятками по влажной крыше шкафа, вжался спиной в стену. Человеческая рука с зажатой в ней мок-

рой ветошью двигалась по пыльной поверхности, оставляя за собой чистые влажные разводы. Домовёнок, ещё не придя в себя окончательно, но всё же придерживая огрызок верного карандаша в кармане штанишек, по стеночке протёрся к перекладине со шторкой, на которой и повис с обратной стороны.

Человек, что затеял уборку на Крохином шкафу, а это был мужчина, не по чину именовавший себя хозяином их домовых квартиры, стоял на кухонном табурете. Но, тем не менее, ему не хватало роста, чтобы заглянуть на шкаф и увидеть расписанные обои.

Отдышавшись, молодой кутник, наконец, пришёл в себя и вспомнил о сестрёнке, которая бухнулась со шкафа вместе с журналом. Он затаил дыхание и наострил уши в надежде услышать какие-либо звуки, определяющие, где сестрёнка и что с ней сейчас делают. Видеть из-за шторы он не мог, к тому же торец шкафа перекрывал ему обзор, но зато слышал он прекрасно всё, что говорила взволнованным голосом женщина своему супругу.

– Ты только представь себе, – запинаясь, рассказывала она о том, что ей пришлось сегодня пережить, – он ка-ак шмякнется мне на голову, а с головы прямиком на мизинец правой ноги, да ещё и уголком переплёт! Ты хоть понимаешь, что я едва не стала заикой от этого журнала! Так неожиданно всё это произошло! А ты, милый мой, если собираешь хлам по дому, то носи его себе в гараж, нечего по шкафам разбрасывать! – завершила свои претензии женщина назидательным тоном.

– Милая, если бы ты не поленилась закрыть форточку, то не сдуло бы журнал со шкафа! Это всё сквозняки виноваты, уж поверь моему опыту!

– Сквозняки? Какие такие сквозняки, любимый? – ехидным голосом, с нотками зарождающейся истерики спросила своего супруга женщина. – Ты ещё Барабашку с Бабайкой сюда приплети, и то правдоподобней получится!

"А вот это она зря нечисть вслух помянула, – подумал Кроха. – Если Барабашку ещё можно как-то умаслить, то со старым Бабайкой, появившись он в квартире, такой фокус не пройдёт! Тут даже поповское кадило бессильно. Нипочём ему эти обряды, не из этих он мест. Потому и привычные здесь заговоры против тутошних нечистых на него не действуют. Хорошо ещё, что трижды подряд его имя не повторила, не хлопнула шесть раз в ладоши, да не повернулась вокруг себя девять раз через левое плечо. Не то жди беды! На такой позыв ближайший Бабайка бросит тех, кого сейчас изводит, и мигом примчится на новое место, жадно потирая смуглые морщинистые ручонки. Вот тогда ни людям, ни домовым в этом доме житья уже не будет".

"Но где же сестрёнка? Что случилось с ней? Не потому ли женщина, что сидит сейчас на кровати и потирает ушибленный журналом мизинец, так причитает, будто увидела что-то непонятное для неё. Почувствовала что-то, а объяснить это никак не может и вот поэтому изводит своего мужа невнятными придирадками. Отец как-то обмолвился о том, что человеческие женщины чутьё имеют, как у кошек: подозревают о чём-то, сами толком не зная о чём, но словами это описать не могут, поэтому ведут себя необъяснимо с точки зрения справных домовых, хозяйственного и рассудительного народца".

– А потом ещё, вдобавок ко всему, мышь по мне ка-ак пробежит! – продолжала своё хозяйка. – Скажи, дорогой, бегали хоть раз по тебе мышши?

– По тебе пробежала мышь, и ты сумела её так вот чётко рассмотреть, чтобы утверждать, будто это была мышь на самом деле?

– Нет, не рассмотрела, – призадумалась женщина. – А может, и не мышь это была.

– Кто же тогда? – завершая уборку пыли на шкафу, весело поинтересовался мужчина.

– Домовой, что ли? – рассмеялся он, не дождавшись ответа и даже не догадываясь о том, насколько он близок к истине. – Может, молочко в блюдечке оставлять будем, да мармеладки рядом класть?

– Может, и будем, – голос женщины стал задумчивым, а взгляд карих глаз насторожённо забегал по комнате, будто выискивая кого-то и опасаясь в то же время этого кого-то увидеть.

Затем, судя по звукам, она встала с кровати и вышла в коридор. Домовёнок, не теряя ни секунды, соскользнул по шторе вниз, до самого пола и прошмыгнул вдоль батареи, прикрываясь тюлем, в другой угол комнаты, а уже оттуда, ни капли не таясь, забежал под кровать, где и увидел сестру целой и невредимой. Она сидела у стены между кроватьной ножкой и прикроватьной тумбочкой. С откровенно скучающим видом она мизинцем выводила рисунки на пыльном полу, очень напоминающие маленьких мышек.

- Как ты? С тобой всё в порядке? – от волнения у Крохи пересохло в горле.
- Не очень. Мне кажется, что меня обидели, – грустно ответила сестра.
- Тебя обидели или всего лишь, кажется? – попытался уточнить домовёнок.
- Не знаю, не решила пока, – услышал он неуверенный ответ. – Я вся такая нарядная, вся такая красивая, по ленточке в каждой косичке, одна синяя, вторая белая. Платице – серый клетчатый ситец. А она меня мышью обозвала! Вот как приду к ней ночью, да как пощечочу ей нос! Она как проснётся, да как чихнёт на всю комнату! Глаза откроет, а тут я стою, вся в нарядах! Вот тогда пусть посмотрит, кого мышью назвала!
- Малая ты ещё, – погладил Кроха сестрёнку по голове. – Отец с матерью строго-настрого запретили нам такие проделки, чтоб людей по ночам пугать. Сказывают они, будто слабы людишки на испуг, умереть от этого могут. Ты помнишь, как вела себя наша постоялица, когда

ты вместе с журналом ей на голову свалилась? Она так испугалась, что ещё немного и пришлось бы подгузники одевать! Да и мало ли что люди говорят! Уж такой это народ, который говорит не то, что думает. Нет веры их словам никакой. Поэтому хватит дуться на неё. Лучше радуйся тому, что цела и невредима осталась! А теперь нам стоит пойти и посмотреть за холодильником, вдруг там что-нибудь вкусное да появилось. Недаром женщина про мармеладки обмолвилась, – по-ленински хитро прищурившись, добавил Кроха.

Глаза сестрёнки азартно заблестели, и искорки надежды заполучить любимое лакомство вспыхнули на миг и тут же погасли:

– Так ведь веры их словам нет!

– Так ведь не все из них врут!

Пока домовята пробирались на кухню, хоронясь на всякий случай в каждом углу, ведь днём при жильцах особо не разгуляешься, мужчина с Крохиным журналом в руке вразвалочку прошествовал по коридору и нарисовался в проёме кухонной двери.

– Это ещё что такое? – воскликнул он вдруг, возмущённым жестом указывая на пиалу с молоком и тарелку, наполненную мармеладом и конфетами.

– А это не тебе, – резко ответила ему супруга.

– Убери немедленно! – потребовал её муж, – не то я всё выброшу!

– Только попробуй! Не тобой приготовлено, не для тебя выставлено, не тебе и распоряжаться этим!

В квартире появилась атмосфера скандала, которую Кроха отродясь не чувствовал. Мелкие перепалки, похожие скорее на забаву двух взрослых людей под названием "Кто лучше сыграет в детство", конечно, в счёт не шли. Но это было какое-то новое, угрожающе опасное чувство. Оно пробегало жгучими искорками по коже. От него начинали шевелиться волосы и подступать тошнота.

Кроха с сестрёнкой прошмыгнули в кухню и устроились за газовой плитой, наблюдая оттуда за развитием событий. Вот они увидели отца и мать, мелкими перебежками перемещающихся в сторону назревшего скандала с видом пожарных, решительно готовых затушить любой зачаток пламени. Они маскировались за комнатными тапочками, которые люди разбрасывают по всей квартире, теряют, покупают новые, а потом только удивляются, когда находят потерю в самых неожиданных местах. Но сейчас кутникам уже не было нужды скрываться, так как люди погрузились в собственные отношения с головой, и им не было ни до кого дела. Пройди по коридору бегемот, его бы тоже никто не заметил. Человеческие ссоры очень увлекают людей.

Ситуация тем временем накалилась настолько, что маленькие зловещие искорки скандала уже отплясывали по всей кухне. Они заполнили собой пространство вокруг ругающейся, на чём свет стоит, семейной пары, которую эти опасные огоньки совсем не волновали. Наверное, потому и не волновали, что люди, когда сильно ссорятся, ничего вокруг себя не замечают. А надо бы.

Но их видел Кроха, видела сестрёнка, видели отец и мать. Все четверо домовых прекрасно понимали: чем сильнее взаимные обиды, тем больше искорок злости и взаимной вражды наплодится вокруг. И заполнят они собой не только кухню с коридором, но и самое опасное – человеческую спальню. Они обоснуются там по-хозяйски надолго и до тех пор, пока домовые не соберут их всех до одной и не побросают в унитаз, чтобы смыть их из квартиры раз и навсегда. Только если так случится, что трудолюбивые кутники пропустят хотя бы одну зловещую искорку, то она, затаясь в укромном местечке, станет делиться на две искры, а две поделятся уже на четыре, четыре – на шестнадцать и так далее, пока их не станет достаточно, чтобы между людьми вновь вспыхнул скандал. Как говорит отец: "Лишь спичку поднеси!" И снова придётся приниматься за труд: лазить по всем щелям, шарить за плинтусом, выискивая сорную искру, чтобы избавиться от неё раз и навсегда.

Тем временем, мужчина резко нагнулся и поднял с пола пиалу с молоком и тарелку со сладостями. Не мешкая, он опрокинул пиалу в раковину, а тарелку – в мусорное ведро, где разноцветный мармелад и конфеты смешались с мусором.

Кроха взглянул на сестру. Её губы мелко дрожали, а глаза стали бесцветными от заполнявших их слёз. Отец сидел в коридоре за ботинком и неодобрительно покачивал головой, а мать, в гнев сверкая глазами, крепко сжимала побелевшими пальцами бесполезную в этой ситуации ложку.

Женщина перестала спорить и молча стояла, закрыв руками лицо. Плечи её мелко подрагивали. Искры же заполонили всё пространство вокруг двух людей. Их было так много, что, казалось, стоит выключить свет, а в помещении не стемнеёт. Да только это всё обман. Злые искры света не давали, они поглощали его. В кухне стало и впрямь темнее, несмотря на то, что за окном был день. Но искры отражались в глазах мужчины чёрным пламенем. Такое бывает у людей, когда они сильно гnevаются. Но не знают люди, что может случиться, если разгневать домового, тем более, если домовый – Особый, но сам этого ведать не ведаёт, а потому не умеет управлять своим гневом.

Человек поставил точку в споре со своей супругой, когда одним рывком разорвал журнал по переплёту надвое, а потом, отрывая и комкая каждый листок, бросал его в мусорное ведро поверх мармеладок, когда-то приготовленных женщиной для домовых. Кроха, не веря своим глазам, смотрел, как исчезает в мусоре страница за страницей его любимого чтива, а мужчина, зло, ухмыляясь, продолжает комкать вырванные из переплётa листы глянцевоy бумаги. Уже давно покоились вместе с отходами статья про обитателей японских островов, подборка иллюстраций с европейскими столицами и много чего ещё. Вот крепкие человеческие пальцы превратили в бесформенный шар страницу с рассказом про племя чернокожих масаев. Когда Кроха читал этот рассказ, ему очень захотелось узнать, у каких домовых живут масаи в столь убогих жилищах, да как те домовые хозяйство своё ведут в таких "недомовских" условиях. Ему страсть как хотелось с такими познакомиться. Столько интересного можно от них узнать! А вот пришла пора Америки и Китая отправляться в помойку. Может быть, там им самое место. Однако, это рвали Крохин журнал, которого он по праву считал его своим другом. Ведь никто прежде домовёнку столько интересного не рассказывал. А теперь друг погибал на его глазах, и сделать Кроха ничего не мог! Он испытал такое отчаяние, глядя на безрассудство человека, плачущую сестрёнку и бессилие родителей, что в глазах потемнело и заломило в затылке. От боли он закрыл веки, но когда открыл их вновь, мир уже выглядел иным. Он перестал быть цветным, а стал зелёным с жёлтым оттенком. Пролетающие мимо искорки, что уже заполнили собой всю кухню, оказались и не искорками вовсе, а многоруким и многоногими маленькими безобразными существами, которые одни из всего окружающего пространства имели отличающий их цвет: мерзко-коричневый, как определил его домовёнок. Существа нагло ухмылялись гнусными рожицами и, махая всеми своими конечностями, будто какими-то "недокрыльями" невесомо поднимаясь и опускаясь, перемещались в пространстве. Домовёнок перевёл взор на последние обрывки своего журнала, всё ещё сжимаемого человеческими пальцами, и у него будто вскипело всё внутри от ощущения несправедливости этого мира. Кухня и все предметы в ней внезапно меняли зелёный и жёлтый цвет на всевозможные оттенки красного, а остатки журнала стали нестерпимо ярко-оранжевыми и вдруг вспыхнул прямо в руках мужчины. Глядя на пылающие страницы, он попрощался с любимым чтивом: "Спасибо тебе, друг! Ты открыл мне мир и теперь покойся с миром!".

За ушами домовёнка резко заломило, будто кто-то из головы просился наружу и сильно барабанил изнутри, чтобы его выпустили. А кухня медленно стала приобретать прежний вид: возвращался привычный белый цвет кухонной мебели. Желтоватые с серым обои "под циновку" и бежевый диван у стола давали отдых уставшим глазам. Последнее, что видел домовёнок в красном, это как наглые рожи ссорных искорок корчились от ужаса, стора в свете

ярко-оранжевых вспышек. Одна из этих многоруких козявок подлетела к самому лицу Крохи и зло прошипела ему, перед тем, как исчезнуть в пламени:

– Мы сгорим, но придут другие нам на смену. Люди постоянны в своём желании сосориться и ругаться. Таким, как мы, среди людей легко жить и есть чем питаться!

– Сгинь уже, – прошептал Кроха, обессилен. А мерзкая клякса, желая что-то ещё добавить, но не успев, вспыхнула и пропала, не оставив даже следа.

Домовёнок устало закрыл глаза, но производимый причитающим мужчиной шум привлёк его внимание, вынудив открыть их вновь. Картину, представшую перед Крохой, можно было бы назвать комичной из-за скачущего на одной ноге и трясущего обожжённой рукой мужика, но горящий в ведре мусор и женщина, лежащая на полу без чувств, не позволили добропорядочному и воспитанному домовёнку даже подумать о том, чтобы улыбнуться, глядя на эту пантомиму. Ко всему прочему, горящие страницы, рассыпавшись из обожжённых пальцев человека, паря по воздуху огненными мотыльками, упали на ковровую дорожку, что устилала пол на кухне, и могли вызвать настоящий пожар.

Вот тут-то семейство домовых среагировало так, как в чрезвычайной ситуации поступают настоящие хранители домашнего очага. Не сговариваясь, но действуя как единый слаженный организм, каждый выполнял свою работу, не мешая при этом другому. Сестрёнка серой тенью метнулась к лежавшей навзничь женщине и, часто моргая, капнула слезами из глаз ей на лицо. Женщина быстро пришла в себя и села, явно не понимая ещё, что вокруг происходит. Сестрёнка же мигом скрылась под кухонным шкафом. А вокруг тоже происходило много интересного и необычного. Горюня повис своим небольшим весом на шланге с подачей холодной воды, затем, оттолкнувшись ногами от стены, надорвал его так, чтобы вода из-под раковины узким веером стала орошать начавшее тлеть ковровое покрытие в коридоре, лишней раз помянув добрым словом производителей таких легко рвущихся шлангов. Пужанна пронеслась по кухне маленьким, но мощным ураганом, опрокинув ведро с горячей бумагой внутри прямо в накопившуюся на полу лужу, и листы потухли, испустив прощальный дымок. Лишь Кроха сидел, забившись в угол под шторку, и не участвовал в общей программе развлечений. Он слушал, прикрыв глаза, как лопаются последние злые козявки, предсмертно издавая противный писк. Это была его музыка. Он наслаждался ею, как гимном своей победе и новому дару, открывающему перед ним неведомые пока ещё возможности.

Суматоху, царящую в квартире, нарушил звонок во входную дверь. Значит, снова пришёл сосед снизу, квартиру которого залили вновь и без разговора потушил заживший глаз мужчины, устроившего весь этот карнавал, отчего тот сразу забыл про обожжённую руку и уже держался за побитое лицо.

– Ну, и поделом ему, – проскользнула сквозь усталое сознание юного домового мысль.

Глава 5.

Минуло два дня от вышеописанного события. Семейство домовых сидело полным составом в собственном кутке за тяжёлым диваном в зале, который если жильцы и двигали когда-нибудь с целью пропылесосить за ним, то не реже раза в год. Но это вовсе не означало, что кутникам нравилось проводить время в пыли. Совсем даже наоборот. Ведь там, где домовые собирались на посиделки, они прежде всегда наводили порядок и чистоту. А что до остальных пыльных местечек, то для их уборки были предусмотрены люди с их техническими приспособлениями. Важно было их вовремя направить в нужное место, чем домовые и занимались в процессе своей деятельности. Тем и содержали свои жилища в чистоте и уюте.

В этот раз, равно как накануне и в день того памятного пожара, они жарко обсуждали случившееся происшествие и его последствия. Если бы кто из людей прислушался, то уловил бы едва слышимый звук, больше всего похожий на шелест сухих листьев, что ветер гоняет по асфальту. Так речь домовых воспринимает человек. А между тем среди кутников разгорелся жаркий спор, и вели они себя довольно шумно, отчаянно при этом жестикулируя, пытаясь

добавить тем самым больше веса собственным аргументам. Лишь сестрёнка тихо сидела в сторонке со вполне себе довольным видом. Она получила имя Слезинка за то, что её слёзки способны приводить в чувство упавших в обморок и наверняка имеют целебные свойства от телесных ран, если поплакать на болячку, или от ран душевных, если поплакать в стакан перед тем, как из него выпить. Так сказала Пужанна, обосновав этот дар наследством от бабки, что числилась на всю округу в стародавние времена первейшей ведуньей и знахаркой. К ней не то что домовые да банники, но и лешие из соседнего леса хворобу излечить приходили. Даже, говорят, гномий король из Заземельного Подгорья навещивался, за что изумрудов отвалил после излечения столько, сколько сама бабка весила. Слезинка, послушав мамин рассказ, объявила всем, что плакать она не горазда, скорее сама кого хочешь, плакать заставит. Но ежели будет такое событие, как изумруды или ещё что подобное в качестве награды, то, так и быть, всплакнёт для дела. И продолжила уплетать мармеладки, слушая в пол уха, как завершая сегодняшние дебаты, отец подводит итог:

– На шкафу приборку сделали? Сделали! – задавая сам себе вопрос и тут же на него отвечая, констатировал он. – Не то не пристало справным кутникам на пыльном шкафе сидеть день за днём. Мы-то свой уголок протёрли, а как с остальным быть? Пол в кухне и коридоре помыли? Опять да! Старые никудышные шланги для воды заменили на новые? Заменили – Это факт! Жильцу под глаз фонарь поставили? Поставили! Проучили, стало быть, недотёпу. К слову сказать, он с работы ссорных козявок приволок. Поругался там с начальством, вот скандал в нашем доме и случился. Про ругань на работе я сам от него вчера слышал, когда он перед супругой своей извинялся. Потом сложил два и два, только и всего.

Горюня с довольным видом пригладил бороду и, уже глядя на отпрысков, весомо продолжил:

– А детям имена дали наконец-то! Старшой вона как вымахал, а всё был бы Крохой, если бы не пожар, который он сам учинил!

Он слегка поубавил темп, явно додумывая, чтобы ещё добавить к уже сказанному. Когда же на него снизошло озарение, после недолгой паузы, Горюня уделил ещё немного слов людям, что проживали вместе с ними под одной крышей:

– Но на жильцов, на наших, посмотришь – душа песни петь хочет! Второй день друг от друга не отходят, ласки всё затевают промеж собой, да слова нежные говорят друг дружке! Всё же есть польза от чтения, что не говори!

– А я повторю тебе, Горюня, вновь и вновь, что вред от них единый, от книжек твоих! Зависть и скандалы они в себе таят! Ты сам посуди, с чего всё началось? Ага, вспомнил! А то бы чего свой нос повесил да сопли по усам развозить начал! Журнал украли у людей? Украли, – повторяя манеру отца вести диалог самого с собой, стала приводить примеры вреда от чтения маманя. – Дочурка со шкафа свалилась? Свалилась. А ведь могла бы и сгинуть на веки. Но повезло девчонке в этот раз.

При этом все посмотрели на Слезинку, но она с лёгким пренебрежением хмыкнула носиком, мол, и не такое видали, продолжая уплетать сладости.

– Красивую женщину журналом испугали, умудрились при этом тем же журналом ей мизинец отдавить! А Углёнок совсем хорош! Посмотрел только на бумагу и пожар в квартире устроил! Да где же это видано, чтобы домовые, будто анчутки безродные, людям такие напасти творили? Сперва напугать хорошенько, потом изувечить, затем поджечь, после затопить, а в довершении всего бедному мужику очередной фингал под глазом нарисовать! И это всё только за один день! Больше скажу – за один час! Да мы чемпионы среди анчуток по вредности людям! Осталось только в подвал жить перебраться, да справную одежду на чёрные балахоны сменить! Или какие балахоны они там носят? Горюня, тебя спрашиваю! – одёрнула Пужанна своего мужа.

– Серые, из мешковины.

– Да я ещё мешковину не носила! Сейчас как дам ложкой по лбу!

– Солнышко, успокойся, – попытался остудить Пужанну Горюня, но это ещё больше вывело из себя его жену, обладавшую крутым нравом.

– Все соседи уже, поди, знают о том! На подоконник теперь не выйти, голубей покормить! Из каждого окна будут пальцем показывать!

– Да ты, мама, не расстраивайся по пустому делу, не накручивай себя зря, – вставил свои пять копеек Углёнок. Такое имя ему подобрал отец, потому что когда домовёнок начал видеть всё вокруг в зелёно-жёлтых тонах, а родители наблюдали за ним со стороны, то успели углядеть, как глаза их отпрыска из голубых превратились в чёрные и бездонные, как пустота ночи, и в этот момент вспыхнула бумага в руках мужчины. А глаза тогда ещё Крохи оставались безумно страшными до тех пор, пока все страницы не превратились в пепел. – Всё могло бы закончиться хорошо и лучше некуда, если бы не влезла сестрёнка на шкаф...

– А чихать, потому что тише надо! – парировала Слезинка выпад братца.

– Мне оставалось прочесть всего-то четыре листа. А сестре я мог бы легко дать полистать свой журнал после этого! Там, глядишь, и её бы читать обучил.

– Больно надо, – фыркнула Слезинка. – Мы и без книжек на алмазы да жемчуга наплакать сможем. На кой нужна нам эта грамота, правда, ма? – и мама с дочкой понимающе улыбнулись.

А Углёнок продолжал, не обращая внимание на сестрёнчину несолидарность:

– То, что со шкафа упала, впредь ей наука! По-хорошему меня попроси, никогда не откажу! А журнал мне действительно очень жалко. Да и не помнил я себя, когда пожар учинился. Но мерзкие рожицы противных многоножек и их угрожающий шёпот я запомнил очень хорошо.

Тут вновь подал голос Горюня:

– А ведь мы знаем теперь, как с теми искорками бороться, хоть и не искорками они оказались! Ведь это только благодаря нашему малышу, не побоюсь даже этого слова, богатырю! – отец тут же гордо выпятил грудь, а сын скромно опустил взгляд, но было видно, что ему по праву приятно. – Знаем теперь верный способ, как уничтожить супостата. Да и соседям было бы не худо о том поведать. Не то устали, поди, носиться день-деньской с мокрыми тряпками, да гасить этих созданий. По всему выходит, что они не только воды, но и огня боятся! Стало быть, надобно сделать факел и начать обход квартиры, да в углы не забывать заглядывать!

– Ишь ты, чего удумал! – потянулась за ложкой скорая на расправу Пужанна. – С факелами он по ночной квартире бродить собрался! Мало нам обмороков людских, мало нам дыр на коврах да рук обожжённых! Да они этими руками нам молоко наливают и сладости выкладывают! А ты с факелом! Куда собрался? А ну, воротайся назад!

Но Пужанна не успела за улелепывающим во всю прыть Горюней, потому вернулась на насиженное место и, отдышавшись, потянулась за оставшейся мармеладкой. Рука её застыла в воздухе на полпути, когда она услышала слова Углёнка:

– Ухожу я, мама. Из дома ухожу.

И на немой вопрос, застывший в глазах матери, он пояснил, как смог:

– Мне так надо.

– Ты чего это? – после секундного замешательства, наконец, спросила мать.

А Слезинка искоса глянула на братца, но, не заметив никаких подозрительных перемен в нём, утянула из-под маминой руки последнюю мармеладку, откусила кусочек и принялась его мерно пережёвывать.

– Видел я такие места, в которых если не побываю, то непременно от тоски кончусь. Там есть такое... Там такое есть... Ну как же вам объяснить, если сам ещё там не был? Вот посмотрю, вернусь, тогда и обскажу всё обстоятельно, как там!

Потянулось неловкое молчание. Слезинка протянула маме оставшийся откусанный кусочек, но та не обратила на него внимания, задумчиво разглядывая одинокую пылинку. Углёнок

потупил взгляд и шмыгал носом, но вид пытался сохранить решительный, хотя и вздрогнул, когда Пужанна неожиданно начала говорить:

– Значит так, сына. Неволить тебя я не буду. К тому же по дому от одного Горюни больше пользы, чем от вас двоих, хотя он недотёпа знатный. По всему видно, что не приспособлен ты к нашему роду занятий, так может где-то там, на что и сгодишься.

Где находится место под названием "Гдетотам" никто из домовых не знал, но каждый представил себе Гдетотам по-своему. Правда, все сходились в одном: там было всегда тепло, сытно, уютно, а работать там особо и не нужно, поэтому Углёнку будет не тяжело туда съездить, посмотреть то, что хочет и вернуться в родной дом с подарками.

– Есть у меня родственничек, – продолжила мать, – тот ещё проказник. Братцем двоюродным мне приходится. Живёт братец где-то на берегу моря. Большой Пристанью то место у нас спокон веков зовётся. Люди именуют его иначе, а как – ведать не ведаю. Сказывал братец, когда в гости навевался, что от той Пристани корабли во все стороны света ходят. Да и сам он тоже побывал немало где, повидал много чего, хотя ума ему это, похоже, не прибавило. Но главное самое – не сгинул нигде. Небо до сих пор коптит, а это кое-что да значит. Стало быть, поедешь к нему, пусть он тебя к делу пристроит. Вместе с ним всяко легче и веселее будет. В дорогу я тебе узелок соберу. А ты, грамотей, так уж и быть, письмецо ему под диктовку напишешь. Надобно ему знать, что ты – Это ты, а не самозванец какой, и что сестрица Небалуя не забывает.

Мать увидела непонимание в глазах сына и пояснила:

– Небалуй – его имя.

Глава 6.

Через несколько вечеров, когда люди предавались беззаботному просмотру телевизора, а за окном ласковое солнце не спеша сменила холодная луна, Углёнок сидел на кухне в обнимку с Вещёвым мешком, в который ему собрали самое необходимое, что, по мнению кутников – домоседов, ему вполне может понадобиться в долгом пути. Кусочек мыла и заточенный гвоздик от отца, сухарики, сахар и бутылочка с водой от матери, мармеладки от сестрёнки и от неё же втихаря наплаканный до краёв стеклянный бутылёк из-под таблеток, который она решительно сунула братцу:

– Возьми, вдруг пригодится.

Любимый красный огрызок карандаша и записка от имени матери, написанная на обратной стороне куска обоев, как самом прочном виде бумаги, лежали в специальном пластиковом пакетике, чтобы не намокли, случись внезапно дождь.

– Давайте подосвиданькаемся, – серьёзно нахмутив брови и с нотками лёгкой грусти в голосе, сказал Углёнок. – Прощаться негоже, ведь мы должны ещё увидеться. Чай, не навсегда отчий дом покидаю. Погляжу мир и вернусь. Вы не сердчайте на меня, коль, что не так.

– Да чего уж там, – пробубнил в густую бороду отец, явно гордясь сыном и думая украдкой: "Не каждый из кутного народца способен от крыльца родного на шаг отойти, если в доме тишь да благодать. А мой то сорвиголова, эвона как крылья расправил да в какие дали навестился!".

Домовёнок ласково обнял мать, прижал к плечу сестрёнкин нос, которым она шмыгала вовсю, стараясь не заплакать. Пожал по-взрослому мозолистую ладонь отца и присел вместе со всеми. По традиции на дорожку.

Они смотрели на тень от узкой вазы с букетом цветов, которую отбрасывала луна на крышку обеденного стола, и каждый молча думал о своём. Тень неспешно перемещалась по узорчатой скатерти. Когда она достигла угла столешницы, отец сказал, чувствуя, что накатывается волна скандала:

– Сейчас анчутки в дверь позвонят, и пойдёшь. Они одни магнитный замок подъездной двери открыть способны, а мы, домовые, лишь заклинание для открытия обычных механических замков разумеем.

– Опять ты всё наперекосяк проделал, – стала заводиться мать.

– Неправда! – в ответ начал оправдываться отец. – Я всё верно им в подвал по батарее отстучал! Они ответили, что сделают как надо и вовремя! Даже наши жильцы сантехников из ЖКО вызывали, – блеснул осведомлённостью Горюня. – Вот как мы перестукивались!

Их полемика была прервана звонком во входную дверь, прозвучавшим неожиданно громко в вечерней тишине, нарушаемой лишь слабым звуком телевизора из-за закрытой двери зала. Семейство переглянулось, и отец сказал громко:

– Пора!

А секунду спустя, спохватившись, напутствовал:

– Лёгкой тебе дороги!

– Спасибо, отец!

Углёнок рванул по квартире, прошмыгнув между ногой ругавшего всяких хулиганов мужчины, который никого не обнаружил за открытой им дверью и оказался за пределами квартиры.

В подъезде он замер, прижавшись к стене, как учил отец, и огляделся. Подъезд был пуст и опрятен. Под потолком светил плафон, и лампа в нём нечасто мигала, доживая свой электрический век. Углёнку даже показалось, что лампа ему подмигивает, приободряя перед дальней дорогой, и он прошептал ей тихое "спасибо" заметно приободрившись. В нём на самом деле появилась уверенность. Он вдохнул полной грудью и расправил плечи. Затем поглядел вниз и, представив, сколько времени ему предстоит потратить, чтобы спуститься на первый этаж, почесал в затылке. Но тут же вспомнил, что кто-то позвонил в дверь. Огляделся ещё раз и тихо позвал:

– Анчутки! Вы где?

Этих анчуток он не видел ни разу, но ясно представлял их неприглядную внешность по описаниям родителей.

– П-с-с-с! – позвал его кто-то, и Углёнок закрутил головой в поисках источника звука. То, что звали именно его, он даже не сомневался.

– Не кипешуй, как кухонный таракан, когда включают свет. Иди сюда.

Из-за угла лифта высовывалась физиономия соседского домового, дядьки по имени Щучий Хвост. Озорные глазёнки поблёскивали из-под густых красных бровей, а аккуратно расчёсанная на два ряда борода такого же ярко-рыжего цвета скрывала его внешность до самых колен.

"Типичный, старой закалки. Настоящий хозяйственник", – осматривая соседа, подумал Углёнок, который видел Щучьего Хвоста раньше лишь в раннем возрасте. Отец рассказывал, что когда они въехали в этот дом и стали подыскивать себе жильё, меняя квартиру за квартирой и не находя достойного приюта, это он, Щучий Хвост, неожиданно нарисовался перед грустными кутниками с двумя детьми, одиноко сидящими за тёплой батареей в прохладном подъезде, и посоветовал им больше не искать понапрасну, а вселяться в квартиру, из которой Углёнок впоследствии уйдёт бродить по свету. Там не держали кошек, не приглашали попов с кадилом, и жили душа в душу молодые парень и девушка. После этого авторитет краснобородого соседа стал неоспорим в глазах Горюни и Пужанны настолько, что Пужанна отпустила супруга по большим праздникам в гости к Щучьему Хвосту, где они могли пображничать вволю, и Горюне за это ничего не было.

– И чего ты застыл, ровно цыплёнок в морозилке? Ходь сюды! Сейчас на первый этаж тебя сопроводим.

С этими словами рыжий сосед умело вскарабкался на перила подъездной лестницы, а с них прыгнул на кнопку лифта, которую на излёте ударил кулаком и завершил свой полёт ловким кульбитом, приземлившись в паре шагов от Углёнка. Двери лифта гостеприимно распахнулись перед домовыми, а Щучий Хвост цепко ухватил слегка опешившего от подобного напора юного кутника и потащил в лифт:

– Идём! Лифт нас ждать не будет!

– А ну-ка, подсоби старому соседушке! – даже не попросил, а скорее скомандовал соседский кутник домовёнку. – Вставай на карачки по середь пола. Опорой мне будешь. А я с твоей спины уж и до нужной кнопки допрыгну без труда. Не то вызовет кто из жильцов наш лифт вперёд нас, и будем с ним на пару по этажам кататься, пока он не соизволит на своём выйти. Да только внизу нас долго ждать не любят.

Кто их ждёт внизу, Углёнок расспрашивать не стал, зато молча нагнул спину как можно ниже, а Щучий Хвост, только этого и ждавший, коротко разбежался и с удивительным проворством запрыгнул на спину домовёнку. Больно оттолкнувшись от неё, сосед подлетел к ряду кнопок, на мгновение зависнув воздухе на уровне верхнего ряда, быстро свалился на пол, по пути нажав-таки кнопку первого этажа едва заметным движением крепкого кулака. Нисколько не потерявший удалого вида, словно проделывает подобный трюк ежедневно в качестве утрен-

ней зарядки, дядька Щучий Хвост извлёк, невесть откуда, костяной гребешок и бережно расчёсывая свою бороду, будто бы невзначай поинтересовался:

– Стало быть, надумал в чужие края податься?

– Не насовсем, дядя. Только гляну, как там и обратно вернусь.

Красные усы соседа скрыли саркастическую усмешку, но глаза выдали, как он отнёсся к поспешному ответу молодого домового, отчего Углёнок ещё больше смутился и стоял, теребя пальцами край своей рубашки.

– Не скорое это дело – по миру мотаться. Быстро только мухи рождаются. А тебе, сосед, путь долгий предстоит. Ну, а что вернёшься, так в том не сомневайся. Тебе на роду написано дома быть. Да и паренёк ты хоть куда, а хорошему домовому всякий хороший домовый завсегда помочь рад.

Тут только Углёнок начал понимать, что без помощи рыжего не жить им в той уютной квартире, да не спуститься ему на лифте вниз одному. А по лестнице ковылять сколько? Успел бы он ко времени к тем, кто внизу долго ждать не будет? Да и кто там ждёт? Уж не анчутки ли? Отец с ними договаривался, а явился Щучий Хвост. Как-то всё странно поворачивается в пути, который даже не успел толком начаться. Но вслух домовёнок произнёс то, что должны говорить все вежливые домовые, когда получают помощь:

– Спасибо тебе, дядька Щучий Хвост! Чем мне тебя отблагодарить?

– Да полно тебе, соседка, – услышал домовёнок скромный ответ. – Не о том сейчас думать надобно.

На этих словах соседского дядьки лифт тряхнул своих пассажиров, дав знать, что они уже приехали, и вальяжно раскрыл перед ними двери в сумрак подъезда. Стоящим напротив двери семейной паре на какой-то миг показалось, что две короткие тени, стелясь по полу, выскользнули из освещённого нутра подъехавшего лифта. Но они улыбнулись друг другу, списав видение на свою усталость, а заняв место домовых на узкой площадке подъёмника, нажали нужную кнопку и, не дожидаясь закрытия дверей, увлеклись друг дружкой.

Подъездная дверь отказалась подчиняться Углёнку, а сосед, с улыбкой глядя на потуги домовёнка, наконец, мягко его отодвинул и зашептал что-то неслышное в левую ладонь, а правую ладонью провёл трижды от усов по бороде до самого её низа. Углёнок не поверил глазам: борода, пусть неярко, но засветилась! Щучий Хвост, не переставая шептать, схватил левой рукой бороду, приложил её к двери и надавил. Дверь щёлкнула магнитным замком и сама распахнулась на нужное для домовых расстояние. В эту щель два кутника и просочились на улицу. Вечерняя прохлада с первым вздохом влилась в домовёнка и приободрила его. Ещё не успел он осмотреться вокруг, а в голове пронеслась ещё одна мыслишка относительно соседа:

"Ох, и не простой это дядька. Не только лишь анчутки так умеют".

После этого умозаключения Углёнку следовало бы насторожиться, но его сбила с панталыка чья-то странная речь, больше всего напоминающая треск сухого дерева. Тем не менее, слова различить было не трудно, и домовёнок повернул голову в сторону говоривших существ.

Два высоких субъекта, что были на голову выше немаленького дядьки Щучьего Хвоста, несмотря на сутулость, выделялись своей инородностью на фоне опрятных домовых и чисто прибранного двора с ухоженными высотными домами вокруг него. Одетые в самодельные телогрейки, ниспадающие с тощих плеч до самой земли, эти существа имели лица и четырёхпалые кисти рук, подозрительно напоминающие сухое дерево, с которого неаккуратно содрали кору и приклеили её на место волос, бороды и усов. На глазах оба анчутки, а это были, несомненно, анчутки собственными персонами, носили тёмно-серые завязки, нарезанные из не первой свежести тряпок. Но, несмотря на это, держались они весьма уверенно, неизвестно как ориентируясь в пространстве.

"Всё понятно, – догадался, изучив внешность своих новых визави, Углёнок. – Глаза специально они себе завязали, чтобы не сглазить невзначай или бесов не вселить в меня и в соседа. Уважают, стало быть. Ну, или боятся".

Один из подвальных держал на поводу крепкого и местами подбитого в жестоких драках у помойки местного дворового кота. Углёнок не редко наблюдал из своего окна, как дымчатый, с белой манишкой и лапами кот противостоял двум, а то и трём псам одновременно. Так же не стоило и пришлым котам выходить против своего собрата, вздумав претендовать на его исконную территорию. Дымчатый тут же показывал незваным гостям, кто во дворе хозяин. И эти неудачники, даже не утруждая себя хотя бы приличия ради вздыбить спину и распушить хвост, улепётывали восвояси.

– Так вот, милые мои, – ласково обратился к анчуткам Щучий Хвост, – ежели ваш котяра не доставит моего паренька на вокзал, я в ваш подвал собак напушу. Бойтесь?

Анчутки протрясло, словно от озноба.

– То-то! И помните, вы не столько Горюне должны, сколько мне. А свои долги я всегда забираю. Время коту до рассвета. Если я не увижу его к восходу солнца на этом самом месте да с этой вот лентой, привязанной к хвосту, – Щучий Хвост поднёс к носу одного из подвальных отрезок белой шёлковой ткани, – берегитесь у меня оба!

– А что? Мы завсегда к хорошим соседям с добром. Да-а! А мы же знаем – понимаем, кто здесь по дому главный и перед кем ответ держать! – говоривший подвальный на пару секунд прервался, поковырял в носу и, вытерши корявый палец о подол своей хламиды, продолжил:

– Нас хоть и кличут нечистью, словами нехорошими поминают, да только мы ведаем, где и кому можно, а с кем и когда нельзя! – очень непонятно закончил свою речь анчутка, державший кота. Было очевидно, что они очень боятся Щучьего Хвоста и пытаются перед ним оправдаться заранее, хотя ничего плохого ещё не успели совершить.

– Ну, смотрите мне! – поддерживая свою манеру общения с нечистью, погрозил им пальцем сосед. – Если ваш кот через триста метров превратится в комок грязи или в пути вороном обернётся и заклюёт моего соседку, вам несдобровать! Знаем мы ваши проделки и всем домом ведаем, как вы в подвале с бомжами да горькими пьяницами чудите.

– Мы ни-ни! Мы знаем кто! А вы знаете, где нас! – не договаривая до конца фразы, испугано затараторили анчутки. – Усаживайте своего, да пусть покрепче держится и в путь. А то вдруг до восхода не. Тогда нам всё!

Щучий Хвост медленно отвернулся от испуганных подвальных и, заложив большие пальцы рук за поясной ремень, неспешно сделал пару шагов к Углёнку, до сих пор стоявшему чуть в сторонке. Взгляд соседа потерял озорной блеск, и он пристально посмотрел домовёнку в глаза, а потом назидательным тоном произнёс:

– Кот привезёт тебя на вокзал и ссадит. Привяжешь ему на хвост эту белую ленту, – он сунул Углёнку за пазуху полоску ткани. – Потом ты обойдёшь кота трижды справа налево и иди вокзальных искать, далее уже они тебе помогут.

Домовёнок с опаской оглядел кота, а сосед, заметив тень сомнения, скользнувшую по лицу Углёнка, поспешил его успокоить:

– Кот настоящий, я уверен. Довезёт тебя до места и вернётся. Я анчутки так застрашал, что они побоятся лишней раз напакостить. Потому ехать можешь спокойно, в этот раз не обманут. Но как будут тебе подарки в дорогу насыпать, то хочешь – бери, хочешь – не бери, дело твоё. Да только знай, как такой подарок раскроешь, оттуда несчастье или хвороба, какая выскочит, а может и просто в помёт мышинный тот подарок обратится, хоть и по виду изначальному был драгоценностью. Решать тебе. Но в дороге дальней может всё сгодиться, даже помёт, – с видом бывалого путешественника завершил своё наставление всезнающий сосед.

– Спасибо тебе ещё раз, дядя! За то, что с анчутками подвальными речь за меня держал! Кабы не ты, то чтобы я делал? Как бы договаривался с ними, окаянными? Батя мой, видать, опять что-то напутал. Чем тебя отблагодарить взамен?

– Задумано так было, – глаза соседа вновь залукавились. – Тятка твой, Горюня, хозяин справный, да на соображалку малость туговат. Недотумкал он, что с подвальными просто так договориться за старый должок – Это полдела. Добро они помнят, но отвечают на него со свойственной им небрежностью и подвальным юмором. Эти обладатели бомжовой харизмы запросто могли тебе подкинуть оборотную тварь вместо живого, настоящего, слегка одурманенного до послушного состояния котейки. И поехал бы ты на нём, перепрыгивая с крыши на крышу, а где-нибудь в прыжке над улицей превратился бы он под тобой в соплю зелёную, и рухнул бы ты с высоты оземь. Но есть у Горюни одна добродетель: он язык за зубами держать не способен, что в ухо ему влетит, тут же другим растрезвонит да приукрасит малость. Вот и о тебе много интересного разболтал.

Щучий Хвост осёкся на полуслове, глубоко вдохнул вечернюю прохладу и продолжил:

– Рассказал, будто ты собрался на мир собственными глазами посмотреть. Вот тут я и подсуетился – анчутки напряг да припугнул малость.

– Спасибо тебе, сосед, за доброе дело! Я даже не знаю, чем смог бы тебя выручить, случись такая необходимость.

– Ну, как знаешь. Ты сам трижды мне спасибо сказал. Кроме того, опять же сам, никто тебя за язык не тянул, отблагодарить меня напросился. По нашим законам троекратное спасибо к просьбе услугу ответную оказать приравнивается, и кутник не может отказать в такой настойчивой просьбе другому кутному. А посему вот тебе моя просьба, которую если не выполнишь, ходу домой тебе не будет!

Щучий Хвост явно пытался себя сдерживать, но радость его, что он всё-таки добился своего, умело сплетя паутину интриги, так рвалась наружу, что, казалось, его раздуло изнутри.

– Всякая причина будет тебя от дома отваживать, коль не добудешь то, что надобно мне!

– А как же "на роду написано домой вернуться"? – не на шутку испугавшись, дрожащим голосом задал вопрос Углёнок, непроизвольно оглядывая свой дом и ища глазами окно, из которого он любил наблюдать за жизнью, царящей во дворе и которая уже начала учить без оглядки на его наивность. Там, за его окном сейчас наверняка сидели отец, мать и сестрёнка Слезинка, провожая его в путь "туда" чтобы он только посмотрел и вернулся. Комок горечи подкатился к горлу, но домовёнок сглотнул его обратно, стойко встречая первые превратности судьбы.

– А так, что ты переписал то, что написано было, сам того не ведая, – с притворным сожалением вздохнул хитроумный дядька. – Даже я не в силах что-либо изменить. Сам себе ты напоролил путь долгий, трижды попросившись у меня сделать мне же какое-нибудь одолжение. Только по-нашему кутному уложению не могу я тебе в той просьбе отказать, ибо несчастья свалятся на наши с тобой головы такие, что и подумать страшно. Понимаю, что не знал ты о том, что я тебя попрошу, но это уже не моя беда. Хотел услужить – милости просим!

– Несчастья, говоришь, свалятся на голову? А по-твоему, уехать из дому ненадолго, да не знать при том, когда вернёшься и вернёшься ли вообще – счастье? Да и что это вообще за просьба такая, что может мне боком выйти, коль не исполню?

– Вот с этого момента уже начинается деловой разговор, – по-хозяйски похлопал по плечу Углёнка Щучий Хвост. – Есть на дне морском раковины разные диковинные. Одни из них сущие пустышки, в других твари несъедобные живут. Их только люди едят, но не наш народ. А в иных раковинах жемчуг произрастает, как овощ на грядке. Жемчуг этот круглый, что горох. Бывает мелкий совсем, а бывает и крупный попадётся. И цвет жемчуг этот тоже разный имеет. Белый, к примеру, или розовый, но такой мне без надобности. Но вот чёрный жемчуг – вынь

да положи! Такая будет у меня к тебе просьба невеликая – жемчужину чёрного цвета мне принести!

Щучий Хвост пристально посмотрел в ошарашенные глазёнки домового и продолжил после недолгой паузы, смакуя своё превосходство над испуганным юнцом:

– Где её достать? – спросишь ты. А я тебе отвечу: – В море самому нырять нет необходимости, не для нашей породы это дело. Можно с русалкой договориться, но при этом будь готов отдать ей самое ценное. Но это значит, домой ты уже гарантированно не воротишься. Соответственно, и просьбу мою не исполнишь, и семью вновь не увидишь. Однако есть у меня чутьё на твой счёт, что Путь сам выведет тебя на нужный мне предмет. Как? Того я не ведаю, но рассказывают камни, что я раскинул накануне, будто у тебя всё получится, не то, что у других бедолаг. Особый ты, кажись. Хотя какие-то подсказки я тебе дам. Помогу тем самым, аль нет, уж не моя забота. Слушай внимательно: есть прибрежные деревеньки на далёком юге, где люди морем живут и берут у моря всё, до чего в состоянии дотянуться, отдавая взамен нередко свои жизни. В их хижинах можно поискать – вдруг свезёт? Но сколько долгих лет ты будешь бродить от дома к дому, проверяя каждый угол? В городах есть торговые лавки, магазинами ныне прозванные. А среди них имеются ювелирные, что драгоценностями торговлю ведут. Там счастья попытаться можно, но и это немалая трата времени. К тому же в них много подделок бывает на витрине, ибо липовым товаром людишки испокон веков дурачат друг дружку.

– А как же мне понять, липовый жемчуг или настоящий? – волнение Углёнка тем больше усиливалось, чем дальше сосед поучал его.

– Да просто очень. Ты попробуешь с ним домой вернуться. Если получится, то милости просим! Нашёл ты, стало быть, то, что нужно. А мы тут пироги на стол организуем, да кваску домашнего! Ну, а коли не сможешь к дому подобраться, а будешь где-то в округе колобродить, знай, время не теряй, выбрасывай подделку да начинай всё сызнова! И самое главное, жемчужина та единственная на всём свете силу имеет. Как рассказывали камни гадальные, она не покоится более на дне, а уже извлечена на свет и кое-где, кое у кого хранится. Только камням верить – дело ненадёжное, сам понимаешь. Надобно проверить все варианты. Как думаешь, лет двести – двести пятьдесят тебе хватит?

Щучий Хвост, наконец, перестал забивать голову домовёнка советами и как бы мимоходом поинтересовался у него, чего же Углёнок до сих пор не на коте. Ведь чем быстрее он отчалит, тем быстрее вернётся. Углёнок внял совету пройдохи и ловко вскочил на спину животному, который среагировал на появление седока лишь слабым подёргиванием ушей, продолжая отрешённым взглядом глядеть перед собой.

– Скажи-ка мне, сосед, – только что возникший в голове Углёнка вопрос требовал немедленного ответа, – как же мне дом свой найти, коль я всё исполню, что должен? Мир большой, дорог много. Какая из них к дому приведёт?

– На этот счёт путеводный орех имеется.

Краснобородый вынул из мешочка, что в изобилии украшали его кушак, обыкновенный грецкий орех, расколотый на две половинки.

– Закопай одну скорлупку на вокзале, другую храни, как самое драгоценное, что есть на свете. Как закончишь дело, зажди её крепко в кулаке, и в какую сторону твою руку поведёт, стало быть, там и лежит в земле вторая половинка. Этот маяк тебя к вокзалу приведёт, а там уже и я ожидать буду.

Толкаясь локтями, к домовёнку подошли анчутки:

– Малец, а малец! – позвал Углёнка один из них.

– Вот подарок, возьми на дорожку. Кто спросит – "Где?", ответь – "У друга выменял", – протянул ему маленькую коробочку с прозрачной крышкой один из подвальных. Под поцарапанным пластиком тускло переливались в лунном свете две запонки для мужской рубашки.

– Зачем они мне? – в недоумении от продолжающихся сюрпризов, спросил Углёнок.

– Возьми, тебе пригодится. В благодарность за Горюнину услугу.

– И у меня возьми! И у меня! – не унимался рядом другой. – Моё лучше! Оно хорошо будет! И счастливый тебе путь!

Второй анчутка протянул коробочку ещё меньших размеров с красовавшимся в ней перстнем, увенчанным зелёным камнем.

– Ну, что с вами делать? Давайте уже сюда ваши подарки, – немного обречённо вздохнул домовёнок, понимая, что не всучив ему обе коробочки с украшениями, эти "цыгане наоборот" не отстанут. А ему уже хотелось побыть наедине с собой, чтобы до конца осмыслить произошедшее. Кот был не в счёт.

Оба подарка переключались в заплечный мешок, а подвальные, медленно пятясь назад, растворились во тьме, словно их и не было.

Решил попрощаться и Щучий Хвост:

– Ты, парень, зла на меня не держи. Не хотел я для тебя подобной участи, но камни всеведущие при раскладе на тебя указали. Да и ты, в общем-то, сам напросился. Я тебя не заставлял мне в услужение лезть. И пойми, что устал я томиться в этом мире, а самому взять то, что мне полагается, не дано. Принести кто-то должен и сам мне предложить. Тогда возьму. Тогда и свершится. А иначе никак! Ну, а тебе доброго пути хочу пожелать и совет дать житейский: повидал я многое, живу долго, скитался всюду. Вот жизнь меня многим вещам и научила. Что-то из них помню, что-то забыл, но одно уложение запомнил твёрдо: никогда никого ни о чём не проси! Запомни это! Всякое существо, что имеет глаза и сердце, беду твою увидит и поможет, ничего не взяв взамен. А у кого сердца нет, того и просить о чём-то бесполезно. Если такой поможет, то тебе та помощь втридорога станет. И про подарки анчуткины не забывай. Коли откроешь сам, тебе ведь хуже выйдет!

– Что ж, дядька Щучий Хвост, за науку спасибо. Свидимся когда-нибудь иль нет, про то не ведаю. Только знай: за то, что помог мне с анчутками да котом серым жемчужиной тебя отблагодарю. Но и интрижку твою я тоже не забуду.

Щучий Хвост, как ни в чём не бывало, усмехнулся в роскошные усы и подошёл к коту. Заглянув искоса в его отрешённые глаза, он что-то ему зашептал. Кот продолжил стоять неподвижно, лишь повернул голову в сторону шепчущего непонятные слова домового и слегка наклонил её, явно вслушиваясь в его шёпот. Щучий Хвост вдруг шлёпнул несильно кота по загривку и резво отскочил. А Серого словно пробил током. Он вздыбил шерсть, задрал трубой хвост и разорвал ночную тишину пронзительным: "Мяууу!". Углёнок не успел опомниться, как котейка одним прыжком унёс его в темноту.

Кота носило по ночному городу серой кометой, а домовёнок вцепился обеими руками в нашейную верёвку, ноги, в меру своих сил пытаясь прижать к серым бокам. Он нагнулся, насколько мог, к кошачьей шее, стараясь не свалиться на очередном вираже, когда котьяра скользил лапами в сторону заноса, отчаянно перебирая ими по покрытию дорожного полотна, но, выровняв траекторию движения, нёсся дальше в только ему известном направлении, умудряясь не издавать больше ни звука. Таким образом, Серый вывез своего седока к вокзалу, и домовёнку закрался в голову немного запоздалые вопросы: "Вернулся бы кот за ним, случись так, что свалился Углёнок по дороге, или продолжил бы путь до вокзала налегке? А что стало бы с котом, не дожидься он белой ленточки на хвост? Чтобы сотворил Щучий Хвост с анчутками? Да и сотворил бы?".

Между тем, Серый уже преодолел чугунные решётки вокзального забора, легко просочившись между прутьями, словно для него не существовало преград. Углёнку лишь пришлось подобрать повыше ноги, и Дымчатый вывез ошалело глядящего по сторонам седока на лужайку с красиво обстриженным в форме маленького паровоза декоративным кустарником. Лужайка освещалась высоким фонарём и окнами двухэтажного здания вокзала с гордо горящими неоновыми большими буквами, обозначающими название города, которому этот вокзал принадлежал. По правую руку от Углёнка стоял пассажирский состав. Углёнок ни разу в жизни поездов в живую не видел, и они как таковые были ему безразличны до определённого момента, но

глупым домовёнок не был никогда. И телевизор с людьми нет, нет, да посмотрит от скуки. Поэтому он сразу определил, что перед ним поезд. А пассажирский он потому, что в нём светились окна и в них проглядывались сидящие пассажиры. В распахнутых дверях вагонов стояли человеческие фигуры в одинаковой строгой одежде, с флажками в руках. От внезапно раздавшегося на вокзале громкого объявления, в котором режущий слух женский голос очень неразборчиво произнёс: "...щи пассажиры, скорыйпоездномертристэээссээят направления Москва – Ташкент отправляетсяплатформыномердва второго пути. Счастливооопути!" домовёнок непроизвольно вздрогнул и, провожая взглядом тронувшийся в путь состав, догадался, наконец, освободить спину Серого от тяжести своей персоны. Коль Серый честно выполнил свою часть работы, пора было и Углёнку выполнять своё обязательство перед котом. Домовой перекинул ногу и соскользнул по мягкой шерсти на землю. Оказалось, что ноги предательски дрожат в коленях, а голова кружится. Держась за серый бок своего скакуна, Углёнок отдышался и, немного придя в себя, добрался до кошачьего хвоста. Непослушными пальцами привязал белую ленту, поправил машинально бант, чтоб было красиво и потом, как научил Щучий Хвост, стал отмерять круги, обходя животное против часовой стрелки. Едва он замкнул третий круг на до сих пор подрагивающих ногах, как Серый стрелой метнулся вперёд и, резко меняя свою траекторию, умчался в темноту ночи тем же путём, каким они прибыли на вокзал, издав на прощание протяжное "Мяяуу". Угленок проводил кота грустным взглядом, и ему внезапно стало жалко себя, жалко родителей и маленькую сестрёнку, которые наверняка думают, будто он уже едет в вагоне, попивая чай с вагонным, коротая время за весёлою беседой. И ни сном ни духом не ведают они о том, в какую передрагу угодил их Угленок, что даже при всем желании не сможет вернуться домой, не найдя заветную жемчужину.

"А что, если я все же попробую вернуться?", – пронеслась шальная мысль, и Угленок, подтянув на спине мешок с пожитками, направился было к забору из чугунных прутьев, но остановился и снова призадумался: "Ну, предположим, повернул я назад, ну пошёл домой, и что дальше? Дорогу все едино я не найду без кота, вот и буду без конца плутать поэтому городу и даже, может быть, возле самого своего дома, а узнать его среди таких же домов не сумею. По всему выходит, что прав Щучий Хвост, как не верти. Ну, уж дудки! Собрался в путь, значит надо идти! А то и вернулся бы я домой чисто случайно, чтобы сказали мои? Назвали бы горе-путешественником, а отец стал бы потешаться на до мной через день. Уж это он любит! Да и не за тем я в путь собрался, чтобы тотчас назад повернуть! И наговор Щучьего Хвоста тут не при чем! Это только моё решение и точка!". На этих мотивирующих мыслях домовёнку осталось только присесть на мягкую и влажную траву, да, тяжело вздохнув, внимательно оглядеться вокруг. Попытка вернуться домой так ни к чему не привела. Прав был сосед. Любая причина будет от дома отваживать, пока Углёнок зарок не исполнит.

Глава 7.

На привокзальной площади кипела жизнь. По мнению Углёнка, царящая суматоха именно её и олицетворяла. Он разглядывал спящих по перрону людей с большими сумками и чемоданами, людей без сумок и чемоданов, сидящих на лавочках или стоящих возле массивных прямоугольных тумб, по виду изготовленных из камня, куда они либо что-то выкидывали, либо стряхивали искорки из коротких белых палочек с огоньком и в конце концов выкидывали их туда же. Домовёнку жутко захотелось узнать, что это и как работает, потому он не спеша поднялся с земли и решительно двинулся в сторону путей, по которым, светя ярким фонарём, приближался очередной пассажирский состав.

Но пытливая натура домовёнка дала себя знать не в самый подходящий момент. И уж совсем не к месту. Очередной пассажир, что стоял у скамейки, на которой восседала миловидная дамочка, обставленная со всех сторон сумками и чемоданами, извлёк из сжатого кулака маленький огонёк и поднёс его к тонкой белой трубочке, торчащей из его губ. После этого, со всей возможной галантностью угостил огоньком и даму. Они задымили на пару, о чём-то

оживлённо болтая между собой. Углёнок притаился за декоративным кустом и глядел во все глаза, как мужчина и женщина выбросили огоньки в квадратную тумбу.

"Это каменное мусорное ведро. Но в мусорные вёдра огонь не бросают. Может случиться пожар, – сделал вывод недавний поджигатель мусорных вёдер. – Надобно проверить, что да как. Не вышло бы худого с этими огоньками".

Одним быстрым рывком преодолев участок лужайки и прислонившись спиной к чугунной ножке вокзальной скамьи, Углёнок подождал недолго, когда пассажир и пассажирка повернут головы, отвлекшись на подходящий состав, он вознамерился взобраться на край скамьи и, спрятавшись за нагромождением сумок, заглянуть в чрево квадратной тумбы. Первая часть операции удалась на славу, но подвела дамская сумочка, что венчала собой небольшой баул, стоявший с краю. Домовёнок подтянулся на свисавшем кожаном ремешке ридикюля, а тот не выдержал небольшого веса молодого кутника и под его массой соскользнул прямоком в урну. А Углёнок шлёпнулся на влажную траву и заполз обратно за чугунную ножку скамейки.

Истошный вой дамочки: "Караул! Деньги и документы украли-и-и! Всё украли! " – подбросил домового так, что он едва не ударился макушкой о нижнюю часть скамьи и ещё в прыжке начав перебирать ногами, принялся улепётывать от греха подальше в кусты, где, тяжело дыша, перевёл дыхание и с опаской обернулся на суетившихся вокруг женщины людей. А жадная дамочка подняла жуткий переполох из-за жалкой маленькой сумки, куда даже помидор не положить, не то, что более существенный предмет, да как принялась обвинять в её пропаже едва ли не каждого прохожего! Даже начинающему своё первое путешествие Углёнку стало за неё очень стыдно:

"Подумаешь, сумочка! Тоже мне, пропажа! Вот если бы тот баул или здоровенный чемодан, тогда действительно было бы обидно! Это уж точно! Сколько же в таком чемодане сумочек поместится?", – попытался прикинуть он, но, сбившись со счёта, решил, что очень много их туда влезет.

Молодая особа перестала голосить и уже горько рыдала в объятиях мужчины. Два молодых парня в одинаковой чёрной униформе с тонкими красными полосами на заправленных в высокие ботинки брюках, лениво между собой переговариваясь, что-то выпрашивали у мужчины, пристально глядя ему в глаза. Тот, как будто что-то сообразив, свободной от объятий рукой полез в карман своей куртки и вынул сотовый телефон. Быстро набрав вызов, он приложил к уху мобильник, и окружившие пострадавших зеваки, как по команде, угмонились, наострив уши. Когда раздалась красивая мелодия, никто не ожидал услышать её прямоком из урны. В толпе глумливо заулыбались некоторые несознательные граждане и начали посылать сальные шуточки в адрес молодой растеряхи. Углёнку стало её жалко, потому что женщина была не виновата в том, что оказалась на пути его простецкого любопытства и желания познать окружающий мир. Зато одинаковые парни сохранили похвальную невозмутимость, будто это какое происходит каждый день. А один форменный не спеша наклонился над урной и бесстрашно запустил в неё руку по самый локоть. Скрывая лёгкую брезгливость, он извлёк на свет вокзального фонаря уроненную домовёнком сумочку. Рыдания дамочки прервались, как по волшебству, и холёная женская рука потянулась к нашедшейся пропаже. Но, спохватившись, женщина отдернула руку и что-то прошептала своему спутнику, отчего он соорудил недовольную гримасу, которая сменилась выражением безысходности и покорности судьбе. Сумку из рук в руки принял уже он и стал оттирать её со всем возможным усердием, используя носовой платок и пахучую жидкость из флакона.

"Вот и сумочку женщине помыли, – невзначай пришла в голову Углёнка оптимистичная мысль. – Может, и не была она очень грязная, зато чище станет".

Толпа зевак уже разошлась, делясь разочарованными фразами по поводу отсутствия настоящего преступления, очевидцами которого им не суждено было стать, когда женщина, наконец, заглянула в свой ридикюль, что-то в нём проверяя, и утвердительно кивнула головой

двум парням в форме, после чего они не спеша ретировались, а беспокойная парочка, похватав чемоданы-сумки, быстрым шагом устремилась к своему вагону.

"Чего же это я расселся, словно уже прибыл в пункт назначения? – сделал сам себе замечание Углёнок. – Мне ведь вагонных искать надо, а то, кто меня довезёт до Большой Пристани?"

И он зашагал в сторону вагонов. Но пройти не успел и нескольких шагов, как его окликнули. Именно его, Углёнка. Это он понял сразу, когда услышал насмешливый голос с лёгкой хрипотцой и деловой интонацией, выдававших в говорящем немолодого, видавшего виды деятеля.

– А не ты ли, паренёк, тут этакую свару устроил?

Углёнок перевёл взгляд на звук и увидел под скамейкой, на которой прежде сидела та дамочка, двух персонажей довольно-таки разухабистого вида. Один из них был худосочный дядька ростом выше Углёнка на целую голову. Ну а вторая персона представляла собой тётку необъятных размеров, почти круглую, да такую, что голова с мелкими кудряшками светлых волос и красным носом-картошкой смотрелась на этом шарике весьма нелепо.

– Чегой застыл-то? Коль тебя спрашают, отвечать надоть! – строго прикрикнул Длинный.

– Да ладно тебе! Не бойсь его, малыш! Шуткует он эндак, – прервала своего спутника тётка. Голос у неё был грудной и спокойный, только гундосила она не слабо, видать, очень была простужена.

– Наблюдали мы во все очи, как ты порядочек на скамеечке навести решил. Всё лишнее в урну! Правильно, малец, мыслишь! Чем она енту сумку в вагоне на выходе забудет, пусть уж лучше на вокзале её оставит или потеряет. Нам, в вагоне, чем меньше сумочек да чемоданов всяких – забот меньше! А уж, коль суждено ей без сумочки той остаться, значит, останется без неё рано или поздно. Так и знай!

– Ну, ты чегой набросился на парня? Вишь, глазёнки-то у его размером с пятак от энтакого наезда стали! Не хотел он ту сумку трогать, сама она в урну бухнулась. Видать, устала у этакой плаксы вещи в себе носить. Уйти решила красиво, сама! – тётка мечтательно закатила заплывшие глазки. – А они её, бедную, извлекли обратно на свет и вернули этой растяпе. Ужо найду я её в вагоне! Уж я её проучу!

– Ты сумочку её не трогай. Не надо, – предостерегающе перебил тёткины излияния длинный. – Уж я-то знаю твою слабость к маленьким сумочкам, Покатунья. Некуда твои сумочки-косметички уже складывать. Вагон-то чай, не резиновый!

"Так-так-так, – отвлётшись от диалога любопытной парочки, подумал Углёнок, – во-первых: тумба – это всё же уличное помойное ведро. А из камня она, потому что должно оно быть тяжёлым, дабы никто не уволок. Мало ли какие подобию анчуток да бабаек в людской породе существуют. Во-вторых: имя тётки – Покатунья. В-третьих: они стопроцентные вагонные. Ну, а кто из них главный – вот это пока вопрос".

Выражение "сто процентов" вычитанное на страницах журнала, так понравилось домовёнку, что он его стал употреблять к месту и не к месту, даже не зная толком, кто такие проценты и почему их именно сто, но чуя нутром, что это выражение подразумевает железную уверенность в чём-то, а на слух звучит как клятва.

– А ты, милоч, далеко ли собрался с котомкой заплечной? Или на поезда да электрички поглазеть приспичило?

– На Большую Пристань, тётя Покатунья. Очень уж попасть туда надобно.

– И в чём надобность сия, позволь поинтересоваться? – вставился в их диалог дядька вагонник. – Да и что за большая пристань такая? То, что это порт морской, и ежу понятно. Но люди много их понастроили за последние столетия, всех не пересчитать.

– Ясно, что не пересчитать, коль до пяти с ошибками считаешь.

Покатунья насмешливо оборвала спутника, наматывая на толстый палец жидкую кудряшку.

– А во времена моей первой молодости Большой Пристанью только Санпетербурх именовали. Именовали, переименовывали, да не переименовали. Так Петербурхом и остался. Только вот в толк не возьму никак, что тебе в том городе делать? Суетный он, через чур.

– Да уж, бывали мы в том городе, по долгу службы, – длинный снова начал упражняться в красноречии. – Городок тот ещё! Весёлый да непредсказуемый. Однажды едва ноги унёс, только и успел на отходящий поезд заскочить, не то бы остался там на веки.

– Ага! – расхохоталась Покатунья. – По долгу службы он там бывал. Как же! Приехал на вагоне, в котором жил несколько зим. А покуда тот стоял на запасных путях у чёрта на куличках, пошёл по вокзалу шлындить. Да только вокзальные, что живут там испокон, чужаков не привечают. У них там строго всё распределено между семьями и царит жёсткая иерархия. Кто в центральном здании вокзала, кто по камерам хранения, а кто и в ресторациях вокзальных служит. Хлебное место, одним словом. Руководит там всеми и в порядке вокзал содержит колченогий старик, но крепкий хребет он по сию пору имеет. А ряхи у тех вокзальных жирные, будто блин маслом намазанный! Так вот, этот герой умудрился не по незнанию, а по скудоумию своему шавермой в ларьке привокзальном пожить. Да только у вокзальных глаз зоркий и служба поставлена изрядно. Они его давно пасли. И как только он, значит, на преступление пошёл, тут они псов прикормленных и спустили с поводка. Ох, как он бежал от них! Это надо было видеть! Спасибо мне, душе широкой. Не бросила я слабоумника на произвол, а верёвочку спасательную из дверей тамбура ему высунула. Проводник дверь закрыл, тем верёвочку крепко прижав. А этот, сердешный, ухватившись за неё, так и болтался позади состава на ветру. Но до следующей станции доехал. С тех пор и прижился у меня.

Не вдаваясь в расспросы о значении некоторых впервые услышанных слов, но цепко уловив суть рассказанного тёткой, Углёнок понял, с кем надо вести дела.

– Тётушка, – просительно протянул он, – ну как мне на Пристань попасть? Не томи душу, подскажи!

– Так мы это запросто тебе организуем. Паренёк ты вроде неплохой, так отчего же не помочь? Бывали мы в твоём городке нередко и у местных вокзальных в почёте. Вокзал сам по себе небольшой, потому лишь одно семейство в нём заправляет. Где вещички посторожить, где пол помыть или на табло расписание поездов поменять – на это их хватает. А за главу у них Кошкан числится. Уж кошек прибудных очень любит, вопреки нашенской природе, и те ему взаимностью отвечают. За это он и прозвание получил соответствующее. К нему тебя дядька Поездун и отведёт.

– Ну, чего встал, зенки к небу закативши? – беззлобно, скорее в воспитательных целях, прикрикнула на приятеля Покатунья. – Отведи мальчика, куда сказано. Да воротайся поскорее, не то снова на верёвочке за поездом трепыхаться будешь. А верёвочки-то для тебя уже заканчиваются, так и знай! – добавила толстая вагониха, неодобрительно поглядывая на своего нерасторопного спутника.

– Тётя Покатунья, а Поездун – это от того, что на поездах много ездит? – не удержался от неуместного проявления любопытства Углёнок.

– Нет, малец. Поездун – это от того, что много лишнего порой говорит, да невпопад к тому же.

Глава 8.

Вокзал изнутри напоминал огромную прихожую и одновременно безвкусно обставленную гостиную, набитую непрошенными гостями. От ощущения тесноты спасало обширное пространство под сводчатым потолком, дававшее иллюзию простора. Но стоило посмотреть по сторонам, как надвигалось ощущение сдавленности, даже несмотря на маленький рост домовёнка. Высоко, под куполом, украшенным рисунками из жизни людей, пространство освещала

большая красивая люстра. А высокие окна в два ряда, делившие с наружи здание на два этажа изнутри оказались всего лишь дополнительным освещением в светлое время суток. Только этаж был один. Но зато, какой высокий!

"Да, умеют же люди пыль в глаза пускать!" – восхищённо задрал голову вверх, подытожил домовый.

Углёнок с Поездунном неспешно двигались вдоль стеночки, осматривая пассажиров, табло с расписанием поездов и просто перебрасываясь односложными фразами. За их спинами вдруг раздался зычный голосок, заставивший домовёнка резко остановиться. Поездун лишь лениво развернулся на него:

– Здоров будь, дядька По! Давненько не ручкались! А кого это ты до нас привёл? – голос принадлежал лопухому веснушчатому огольцу примерно одного с Углёнком роста и возраста, хотя у кутного народца понятие возраста весьма относительно. Кутники с разницей в сто, а то и двести лет считались ровесниками.

– Да ты не пужайся, не съем я тебя. Я семки лузгать больше люблю, – хмыкнул конопатый, видя, что Углёнок замер в нерешительности.

– Привет и тебе, Жмых! А что, папаня до сих пор тебя не отучил шелуху от семечек на пол сплёвывать? – поприветствовал паренька вагонник.

– Ну что ты! Теперь даже поощряет это занятие, – ухмыльнулся в ответ Жмых, расколюпывая надкушенную семечку крепкими пальцами и отправляя её в белозубый рот, а кожуру себе под ноги. – Скоро смена у нашего полотёра. Стало быть, не так просто по чистому полу будет веником грязь развозить, а со смыслом. Чтобы, значит, мусор подмести и выбросить.

– А где же та полотёрная машина, на которой уборщик вокзальный ездит, да пыль, грязь собирает? Уж как с ней пол то блестел! А чистота была на вокзале – загляденье! Будто его заново отстроили!

– Видишь ли, дядька По, – потупил взгляд конопатый Жмых, – боялись мы её очень, да и она нас особо не привечала. Попадёшься, бывало, ей на пути, так она так и норовит, не слушаясь управления, по тебе проехать, будто Лих Одноглазый в неё вселился. В общем, посовещались мы семьёй, и брат Шпиндель починил её. Стоит теперь, сердешная, скучает. Бывало, пройдёшь мимо неё, так она завестись пытается. Ан нет, не выходит! Люди её сначала каждый день чинили, но брат Шпиндель не промах! Только люди на обед отлучатся, как он к ней и давай настраивать по-своему. В общем, бросили её в углу век свой доживать. Детишки пассажирские на ней с тех пор резвятся, пока поезд свой ждут.

– Ты, Жмых, как семечки догрызёшь, сведи мальчика со своим папаней. Уж больно Пока-тунья за него просила.

– Чего же сама она не пришла? С папаней – маманей почаёвничать да лясы поточить?

– Прихворнула она. В вагонах сейчас кондиционеры повключали. Лето, стало быть, настало. Организм, видите ли, у нас нежный и к таким перепадам температур неприспособленный. От того и захворала тётка наша. Ну, а мне пора идти, чтобы успеть к отходу поезда. Вот-вот его объявят.

Длинный вагонник пожелал Углёнку доброго пути, Жмыха просил передать низжайший поклон его уважаемым родителям и остальным членам большого вокзального семейства от них с тёткой Покатуньей. В ответ получил доброе напутствие. Тут и впрямь женский голос громко и по традиции невнятно объявил о том, что до отхода поезда осталось пять минут, и посадка на него уже закончена. Поездуну как ветром сдуло, а Жмых, осматривая насмешливым взглядом Углёнка, спросил:

– Семки будешь?

Грызая семечки и роняя на пол шелуху, домовёнок молча следовал за молодым вокзальным, который шествовал не спеша, обходя расставленные чемоданы и умело уворачиваясь из-под ног спешащих по своим делам пассажиров и провожающих, одетых в разномастную обувь и, как правило, имеющих отвратительный потный запах. С набитым ртом Жмых вещал:

– А вот погляди-ка направо.

Углёнок послушно повернул голову в указанном направлении.

– Это, к примеру, кассы, в которых люди за деньги покупают билеты, чтобы, значит, сесть на поезд и доехать куда следует. Странные они, не правда ли? Менять одну бумагу на другую, чтобы иметь право прокатиться на поезде! А просто договориться с проводниками не пробовали?

Углёнок лишь молча пожал плечами в ответ. К людским странностям он даже не начал ещё привыкать, так что судить о них было рано. Жильцы в его квартире, конечно, не в счёт. Все их житьё казалось насквозь обыденным и вопросов не вызывало.

– Вот тот спуск вниз, к которому мы подходим, есть камера хранения. Люди в ней дорожные пожитки хранят, если долго поезд ждать приходится. Брат Чулан здесь порядок поддерживает. Иными словами, если когда надо сотрудника разбудить, он его разбудит, чай остывший на него пролив, когда надо, замок на чужой сумке застегнёт так, что работники в камере хранения и расстегнуть её не в состоянии, дабы поживиться чем. Ну и чтобы не пропало чего-нибудь оттуда, случайно выпав наружу. Ежели вдруг станет грустно ему, то номерки на чемоданах местами поменяет и веселится вовсю, глядя, как добропорядочные граждане честных служителей камеры костерят, на чём свет стоит. А те слова, что слышит, он запоминает и потом с нами делится. У него вообще самый богатый словарный запас из всех нас. Такую школу прошёл!

Углёнок с интересом посмотрел вниз по лестнице, но ничего, кроме грязного пола, обшарпанных стен и усталых людей он не увидел. Не так он школу себе представлял.

– Здесь, обрати внимание на лестницу, ведущую вверх, располагается комната отдыха.

"Всё-таки есть второй этаж, только с другой стороны здания", – обрадовался домовёнок тому, что обманулся в архитектуре вокзала не до конца.

– Заправляет там большая толстая тётка.

Жмых обернулся, и в который уже раз смерил Углёнка взглядом, только сейчас каким-то плотоядным.

– В неё таких, как ты, тысяча поместится, а может, и больше.

Углёнок поёжился, представляя, как таких, как он, домовят стоит длинная очередь, а незнакомая большая тётка охапками засовывает их в свою свирепую пасть. Тысяча – это, видимо, очень, очень много.

– Она домовых ест? – стараясь не показать свой испуг, поинтересовался он у Жмыха.

– Нет, не домовых. Но ест очень много и орёт на каждого громко – громко. Да так долго, что сестрёнка Перинка, прижившаяся в комнатах отдыха и следящая в них за порядком, нет, нет, да прибегает до отчего крыльца, чтобы от тех воплей передохнуть, несмотря на вложенные в уши кусочки ваты. Нам же с тобой следует повернуть вот сюда, – он, мастерски лавируя между ног и сумок, прошмыгнув вдоль стенки, завернул за угол, ведя Углёнка в нужном направлении, и они оказались в тёмном закутке, заставленном пыльными пустыми ящиками, старыми стендами и бюстами, изображавшими одного и того же человека с острой бородкой и проплешиной, смотревшего насмешливым взглядом на весь этот бардак.

Домовёнок устало следовал за вокзальным. Всё-таки за один сегодняшний вечер он пережил столько, сколько иному трудяге-домовому за всю жизнь пережить не светит. Сколько новых знакомств, хороших и не очень, ему случилось за сегодня! И он понимал, что ему поневоле придётся общаться с целым семейством, а силы его были на исходе. Он не мог уже всецело контролировать ход своих мыслей и потому опасался ляпнуть что-нибудь невпопад. Ещё он поймал себя на том, что дремлет на ходу, и попытался, широко раскрыв глаза, проморгаться, дабы сбить дремоту, совершенно неуместную при данных обстоятельствах. Выйти из тягучего состояния полусна ему помог вспыхнувший в паре шагов перед ним жёлтый кошачий глаз, а рядом с ним, через пару мгновений другой, но уже зелёный.

– Брысь! Брысь отсюда! Мышелов ленивый! – прикрикнул на кота, серого, как анчуткина печаль, вокзальник.

"Так вот почему я его не увидел в темноте! Потому что он серый. Вся разница между дымчатым котом, что вёз меня на вокзал, и этим разноглазым в том, что дворовый забияка любит выставлять себя напоказ, дабы все его замечали. А этот, напротив, тихушник, любит скрытность!"

Осенённый догадкой, домовёнок с интересом уставился на кота.

– Это – Брысь. Ты не бойся его, – уже обращаясь к домовёнку, произнёс жмых.

– Куда же мне брыснуть? Ведь я здесь ничего не знаю, хоть и не боюсь ничего, – не понял вокзальника Углёнок, борясь с нахлынувшей усталостью.

– Не ты брысь, а кот Брысь, – начал объяснять недогадливому спутнику Жмых, видя, что домовый совсем запутался и он может поразвлечься.

– А я не брысь?

– Ты – нет.

– Это кот должен брыснуть?

– Да, конечно, должен. Ведь он преграждает нам путь. Кроме того, его кличка: Брысь. Папаня так его нарёк. Ибо когда вокзальные коты норовят поживиться чем-либо у пассажиров, те орут на них: "Брысь отседова, котяры облезлые!". Те, естественно, разбегаются не собираются, лишь тихорятся недалеко, а этот спокойно подходит и берёт что повкуснее, покуда люди на других котов отвлечены.

Тем временем Брысь неспешно встал, вытянул по полу передние лапы, прогнул спину, потянулся и сладко зевнул, зажмурив от удовольствия разноцветные глаза, оголяя при этом острые, как мелкие гвозди, клыки, отчего Углёнку вновь стало не по себе. Но, наблюдая за спокойно жующим Жмыхом, домовёнок взял себя в руки и спокойно выдержал холодный взгляд вокзального кота, что, перестав тянуться и зевать, подошёл к домовому и заглянул ему прямо в глаза. Они смотрели один на другого несколько секунд, после чего кот сделал вид, будто домовых в природе не существует, и прошествовал на свет зала, как мимо пустого места. Закончив провожать котейку взглядом, Жмых окликнул Углёнка:

– Ну что ж, вот и пришли. Будь добр, заходи в наши покои! – и первым нырнул в самодельную дверцу одной из нижних коробок.

Глава 9.

Углёнок со вспыхнувшей внезапно искрой любопытства в усталом взгляде вступил за порог домика вокзальных и неожиданно для себя очутился в просторном и слабо освещённом помещении. Свет исходил от большого телефона, лежащего экраном вверх на поставленных стопкой спичечных коробках. У противоположной стены была сложена лестница из таких же коробков, которая вела на верхний этаж, то есть в коробку, стоящую сверху той, в которой сейчас Углёнок находился. А в левой стене от входа имелась прорезанное прямоугольное отверстие в рост домового, но его закрывали плотные бардовые шторы.

"Ничего себе обстановочка! Настоящие покои! Я бы даже сказал – хоромы! – с восхищением оглядываясь по сторонам, подумал домовёнок. – Умеют же вокзальные устроиться в жизни!".

– Проходи, малец, не тушуйся, – ласковый и вкрадчивый голос раздался из полумрака, куда не распространялся свет от телефона, но где домовёнок, умеющий, как весь кутный народец, неплохо видеть в темноте, без труда определил говорившего. Это был прилично одетый господинчик, обладающей важностью павлина и хитрыми глазками лукавого. Зато рядом с ним сидела статная хозяйка. Расслабленная поза и грациозность её давали понять, что она не из этих мест. А манера говорить, когда она следующей обратилась к Углёнку, лишь подтвердила это предположение:

– Гостям мы всегда рады. Ступай к нам. Какой интересный молодой лютэн, ты не находишь, милый?

Милый только крякнул в кулак, а вместо ответа своей половине обратился вновь к домовёнку:

– Только гляди в оба, о провод не споткнись, что к этому телефону подведён. Гнездо у него слабое, мы его едва подключить сумели. Шпиндель, мой старшой отпрыск, почитай, два дня с ним разбирался, покуда не настроил всё как у людей.

– А ну-ка сынок, – обратилась хозяйка к Жмыху, – пододвинь-ка этот аппарат к нам, да поближе. Негоже хозяйское гостеприимство из потёмнок оказывать.

Свет дисплея тем временем стал ярко-жёлтым, и на нём образовалась картина осеннего леса, сменившая насыщенный жизнью зелёный цвет горных склонов. Так и настроение домовёнка стало по осеннему грустным, когда он получше разглядел довольные жизнью лица, принадлежавшие хозяйке и самому Кошкану. Ведь ему самому написано на роду собственную семью долго не увидеть.

Хозяева вокзала очень напоминали сытых домашних котов как внешне, так и своими ленивыми, но точно выверенными движениями. Они подливали чай в кукольные детские кружечки и со вкусом прихлёбывали из них. Перед вокзальными стояла стеклянная банка с заваркой, в которой болтались два связанных между собой лезвия для бритвы, изолированные друг от друга спичками. От лезвий отходили два тонких белых провода и скрывались за спинками уютных самодельных креслиц. Жмых жестом указал Углёнку на пустующий рядом мешочек и пригласил присесть на него. Мешок оказался обшитым весьма приятной на ощупь тканью и наполнен какими-то крохотными шариками, отчего без труда обволок тело Углёнка, позволив в себя погрузиться, оказавшись на удивление очень уютным сидением. Сам Жмых скромно присел на неброский, но добротный сколоченный табурет.

– Меня Кошканом прозывают, – подражая мурлыканью кота, представился молодому гостю хозяин. – Я за всем на вокзале приглядываю, стало быть, во всём за главного и без меня здесь никуда.

Кошкан выдержал паузу, оценивающе оглядев гостя, и продолжил вещать:

– А это хозяйка здешняя, супружница моя, Незабудка. Покуда я с ней не познакомился, то за милицейской будкой на этом же самом вокзале жил. Но вот она – ни в какую. "Не буду, говорит, за будкой жить, и всё тут!". Так что до тех самых пор, пока я в этих коробках не обосновался, она на свадьбу не соглашалась. А как хоромы сии отгрохал да обжился в них, так и детки пошли: Шпиндель, Чулан, Перинка да Жмых. Для них второй этаж построил, а потом и нижний этаж расширил. Приспособлений, опять же, в хозяйстве полезных понаставил. А теперича оцени обстановку!

Он широким жестом провёл перед собой рукой, величественно раскинувшись в кресле и закинув ногу на ногу.

– Всё это благодаря моей трудолюбивой хозяйюшке, что меня сподвигла этот уют навести!

Таким вот образом, непринуждённо хвастаясь всем, до чего хватало взора, Кошкан обстоятельно объяснил свою значимость в округе, попутно представив свою семью, без стеснения пыжась перед Углёнком. Незабудка между тем, молча наливала гостю чай, поглядывая на него с любопытством, которое, как отметил про себя Углёнок, она тщательно пыталась скрыть. На миловидном лице хозяйки виднелись небольшие морщинки в уголках губ, что придавало ему серьёзное выражение, но зелёные большие глаза весело поблёскивали в свете телефона. Незабудка протянула Углёнку маленькую пластмассовую кружечку, наполненную до краёв, и поинтересовалась:

– Ну а ты, мон ами, что про себя сказать можешь? Рекомендации Покатуны для нас много значат, но о тебе ничего нам не говорят.

"Когда это Жмых успел нашептать мамке про Покатуню? – подумал с удивлением домовёнок. – Шустрый малый, однако! И вообще, вся семейка довольно своеобразная. С ней, кажись, надобно ухо держать в остро!"

– Так кто же ты? Куда путь держишь? – вторил супруге Кошкан.

– Звать меня Углёнок. Из справных домовых буду, что с людьми на одной жилплощади обретаются, да хозяйство в порядке содержат, – сделал попытку блеснуть красным словом домовёнок, но вокзальники и ухом не повели, ожидая более детальной информации. – Живу я в этом городе столько, сколь себя помню, да только тесно мне здесь стало.

Углёнок запнулся на полуслове, невольно осознав всю нелепость сказанного. Как такому маленькому существу может стать тесно в большом городе, истинных размеров которого он даже не представляет? Да ладно, пусть понимают, как хотят. Это уже их дело.

– Понял, что мир вокруг желаю посмотреть, – продолжил он. – Жизнь везде красивая, и много есть мест интересных на земле, фотоснимки которых я с любопытством рассматривал в одном познавательном журнале. А теперь воочию увидеть хоть что-то должен, иначе покоя мне не будет.

– Так ты читал журнал? – ласково поинтересовалась Незабудка.

– Не то, чтобы читал, – поняв, что его подловили на слове и теперь могут заподозрить в уходе от старых традиций, в которых нет места всему, что может смутить чистый разум кутника, вовлекая его в водоворот человеческих страстей и отвлекая тем самым от мирного и спокойного существования согласно древнему уставу. А все эти вокзальные, вагонные и прочие, отошедшие от завета предков, нарушив тот самый устав, пусть и хорошие в душе, но в среде домовых считались ниже сословием, хотя сами себя низшими вовсе и не считали. Вот и маманя с братцем своим по той же самой причине не общалась, но в душе любила его, иначе бы не отправила к нему своего отпрыска.

– Картинки там просто смотрел всякие, странички перелистывал...

– Тогда откуда же ты узнал, что на этих картинках и где это расположено? В ином случае тебе не додуматься никогда до этого, не прочитав прежде подписи к иллюстрациям, – мягко насадея своими вопросами, Незабудка вынудила домовёнка признаться в грамоте. А домовёнок, в свою очередь, успел понять, насколько тётушка Незабудка непроста и что её речь совершенно не такая, как у остальных вокзальных и у его семейства. Хотя тётушкой назвать её язык не поворачивался. Никак она не тянула на почтенную мать семейства. Моложавая и изящная, с пронизательным взглядом. Скорее к ней, а не к Кошкану, так любила захаживать Покатунья. И кто в этом семействе главный, так же более не вопрос.

– Ты, молодой домовый, прочти-ка, что на сей обложке начертано, – подал голос Кошкан, протягивая тоненькую книжицу, имевшую некогда золотое тиснение на красной, теперь весьма потёртой обложке, изображавшее круг в сеточке пересекающихся линий с молотком и ножом странной изогнутой формы по центру в обрамлении колосьев, перетянутых лентой.

– Паспорт СССР, – бегло прочёл Углёнок и открыл первую страницу, на которой надпись дублировалась. А вот вторая страница была уже интересней. С чёрно-белой фотографии смотрело лицо молодого человека без бороды, но с длинной шевелюрой. Углёнок продолжил читать уставшим голосом:

– Фамилия – Потцман, имя – Абрам, отчество – Самуилович

– Достаточно. Вряд ли нам интересна личность того путника, Абрама Потцмана, обронившего в суматохе паспорт на перроне много лет тому назад и проводшего несколько незабываемых дней в милицейском участке на этом вокзале. У нас целая коробка таких вот документов хранится. Но вот о твоей личности мы равным счётом ничего покуда не узнали. Негоже от добрых хозяев таиться, которые к тебе со всей душой и гостеприимством. Ещё чайку подлить? Сухарики бери, да сахарок вприкусочку не забывай.

Незабудка наполнила маленьким половником чашку домовёнка до самых краёв.

– Ты поведай нам вот что, душа непоседливая. Как вокзал найти умудрился, коль дом не покидал с малолетства? – никак не мог унять своё любопытство Кошкан.

Уже более осторожный домовёнок, обдумывая каждое слово, рассказал вокзальным свою историю, опустив ненужное для них, про анчуток и чёрную жемчужину. Рассказ, казалось, удовлетворил любопытство Кошкана и Незабудки, которые, выслушав домового, обещали посадить его в поезд, следующий в нужном направлении, а пока предложили пройти в гостевую, чтобы хорошенько выспаться перед дорогой. К тому же Кошкану подошло время выводить котов на прогулку в поисках еды. Те голодной оравой уже разлеглись неподалёку от входа в

коробку, с нетерпением елозя хвостами по полу в ожидании своего кормильца и изредка совершая робкие попытки проникнуть ближе, за некую невидимую черту. Но храбрый Брысь пресекал их поползновения, негромко и угрожающе шипя, между делом дожёвывая стащенную с чьего-то бутерброда колбасу. А когда Кошкан повёл своих подопечных на дело, на добычу пропитания, тогда лишь только шум с наружи постепенно затих.

Глава 10.

Углёнок проснулся от того, что увидел во сне, как он прыгает со шкафа вниз, но вместо мягкой кровати приземляется, а точнее приводняется в холодную воду и, не зная, как удержаться на плаву, начинает медленно идти ко дну. По пути вниз он восторженно озирается по сторонам, кивая в знак приветствия кишащим вокруг него разноцветным рыбкам, что живут в коралловых рифах на странице 38 в его журнале, а коснувшись дна, начинает спокойно ходить по донному песку, распиная со своего пути ракушки с жемчужинами и перепрыгивая с камня на коралл, с коралла на проплывающую мимо рыбину, а с неё на другой камень, пока не увидел среди водорослей переливающий тёмным перламутром шар размером с вишню. Он подплыл к нему и, нагнувшись, сделал попытку оторвать его от дна, но шар не поддался тщетным усилиям, словно прилип ко дну или имел неимоверно тяжёлый вес. Тут Углёнок вспомнил, что в воде нечем дышать и, пытаясь выпустить из рук неподъёмную жемчужину, стал со всех сил отталкиваться ногами от дна, чтобы всплыть. Но теперь уже жемчужина не хотела отпускать домовёнка, удерживая его, словно приклеенная к ладоням. Воздух заканчивался, и Углёнок открыл глаза. Оглядевшись вокруг шальным взглядом и поняв, что это был всего лишь сон, он вытер со лба холодный липкий пот, уселся на кровати. Пытаясь отдышаться, приходил в себя, словно от забега по стенкам комнаты, когда нужно в бешеном темпе перебирать ногами, чтобы не свалиться на пол.

– С утречком добрым! Как спалось? – высунул свой конопатый нос между бордовых занавесок улыбающийся Жмых.

– Нормально спалось, – буркнул в ответ домовёнок, чувствуя какой-то подвох в вопросе про сон. Наверное, он вёл себя беспокойно и что-то кричал во сне, в чём нет ничего удивительного, учитывая то, что ему приснилось.

– Маманя за тобой послала. Сказала, что пора соню будить, не то на поезд опоздает. А он ещё чаю с плюшками не отведал. Так что, будь добр, умывайся и приходи за стол. Кровать можешь не заправлять, Перинка её сама застелет, она по этому делу знатная мастерица! – и, хитро улыбнувшись на этих словах, довольная рожица Жмыха скрылась из вида.

"Ну как так "можешь не заправлять!" – мысленно продолжил беседу с вокзальником домовёнок. – Они же не люди какие, чтобы их к порядку приучать, а настоящие, уважаемые вокзальные. Да и мы из потомственных домовых будем. Стало быть, порядок у нас в крови!"

И руки сами, по старой привычке, аккуратно взбили подушку на уже натянутой простыне, накрыв всё это ровно уложенным одеяльцем.

Затем Углёнок умылся в кружке с чистой водой, поправил на себе одежду и, взглянув на своё отражение в круглом зеркальце, неодобрительно хмыкнул. Но, намочив в воде пятерню и пригладив взъерошенные за ночь волосы, он счёл возможным показать себя гостеприимным кутникам и, бодро закинув на плечи свою котомку, шагнул за бордовые занавески в комнату, где накануне принимал его сам Кошкан с супругой.

По центру комнаты стоял круглый стол. За ним бок о бок сидели хозяйка и хозяин, приветливо улыбаясь гостю. Справа от Кошкана восседал серьёзный субъект высокого роста, на голову выше главного вокзального и вдвое шире его в плечах. Чёлка тёмных волос свисала ему на глаза, фактически закрывая их, но и сквозь неё было заметно, как они сверкают, осматривая домового. Рядом с ним занимал место худощавый молодец со стрижкой на прямой купеческий пробор, короткой светлой бородой и хитро прищуренными глазами. Он так же внимательно смотрел на Углёнка. Следующим по кругу пристроился Жмых на давешнем мягком кресле-

мешке и простецки улыбался во весь свой белозубый рот. Слева от хозяйки сидела девчонка, на вид ровесница Углёнка, и смотрела на вошедшего в комнату домовёнка с наивным восхищением.

"А вот и Перинка собственной персоной!", – Углёнок по достоинству оценил внешние данные дочери Кошкана, которая была едва ли не копией своей собственной матери, лишь с поправкой на разницу в возрасте.

Её внешнее сходство с Незабудкой было очевидно. А сомнение по поводу хмурого детины с крепкими пальцами рук и хитрована с бородкой и цепким взглядом развеял Кошкан, представив своего старшего и среднего сына:

– Этот молодец – мой старшой, – он положил холёную ладонь на плечо сидевшего подле него крепыша. – Надёжа семьи. Шпинделем наречён за то, что любую деталь любого механизма шпинделем называет, но различает их по-своему. И как те детали не назови, разбирается в них лучше, чем кот в колбасе. Что-то разобрать, а потом собрать лучше, чем было – это про него! Так ведь, старшой?

– А то, – скромно пробасил детина.

– Вот средний мой, Чуланом прозванный. Ну, Чулан и Чулан, что тут добавишь?

Главный здешний вокзальник указал взглядом на белокурую девчонку:

– Это дочурка, кровиночка наша, страшной тётке в комнаты отдыха пассажиров по доброй воле порядок наводит ушедшая, а к родителям в дом отчий наведаться забывающая. Хорошо ли тебе ту ней живётся, Перинушка моя ненаглядная?

– Хорошо, батюшка.

– Стало быть, в доме отцовском плохо тебе пребывалось на мамкиных-то харчах?

Кошкан обращался к дочери с ехидными подковырками, но нотки обиды всё же предательски проскальзывали в его голосе.

– Ну, будет тебе, Кошканчик, – ласково промурлыкала Незабудка, погладив нежно шевелюру мужа. – Гость ведь у нас. Вот и повод образовался всей семьёй собраться да поболтать о том, о сём. А ты, мон ами, чего стоишь ровно семафор около путей? Присаживайся за стол, да чайку с нами отведай!

Она подмигнула Жмыху, и тот за одно мгновение подмахнул табуретку к столу рядом с Перинкой и несильно подтолкнул Углёнка, задавая тому нужное направление.

Углёнку как-то сразу не понравилось отношение отца к собственной дочери, однако, он решил не обращать внимание на семейные отношения радушных хозяев, а сосредоточиться на своих личных заботах: успеть на поезд и не сболтнуть за столом чего лишнего.

Незабудка едва заметно задела локтём дочь, отчего та зарделась, но неспешно, с достоинством, в движениях, как у отца, наполнила чашку Углёнка ароматным чаем и придвинула к нему маленькое блюдце со сладкими сухариками. Сидящие за столом сделали по глотку, затем, как по команде, потянулись каждый к своему блюду и захрустели сухарями, обильно посыпанными сахарной пудрой. К украшавшей центр стола вазочке с порезанными яблоками и мандариновыми дольками не притронулся никто. Углёнок решил следовать заведённому в этой семье этикету и молча повторял действия хозяев. Воцарилась тишина, нарушаемая скромным похрустыванием. Вокзальники сосредоточенно шевелили челюстями, изо всех сил делая вид, что это вполне обычное утро, и каждый смотрел в свою чашку, выказывая фальшивое равнодушие к гостю. Один лишь Жмых, не скрывая ироничной улыбки, обозревал ситуацию, возникшую за столом с таким лицом, словно явился на показ комедии и ждал развития событий. Но вот Углёнку стало неловко в этой напряжённой тишине, и он обратился к Перинке:

– Спасибо! Чай у вас просто замечательный! Никогда такого не пил!

Её щёки опять зарделись от смущения. Опустив глаза, Перинка ответила тихо:

– Пожалуйста. Вы пейте, пейте. Я для вас ещё подолью.

И тут всех как будто прорвало. Каждый начал о чём-то болтать, оживлённо рассказывая что-то своё. Даже молчаливый Шпиндель пытался о неуклюже поведать не то Углёнку, не то всей честной компании разом какую-то занимательную историю. Разве что домовёнок

сидел молча, развесив уши и переваривая поток информации о том, что пьют они только иванчай, собираемый вручную на пустыре за запасными путями, что коты сейчас стали не те, что прежде, а намного наглее и хитрее, что поезда ходят не совсем по расписанию, потому бабок вокзальных, что приходят к прибытию состава и торгуют семечками, надобно теперь караулить заблаговременно, дабы урвать себе жменьку-другую. Да и замки на чемоданах нынче прочные, не то, что два или три десятка лет тому назад. К тому же хитрые вокзальные мыши перестали поддаваться дрессировке и норовят стащить кусок сахара покрупнее, пока спишь. Техники из вокзальной obsługi больше не разбрасывают различные детали после ремонтных работ, как в былые времена, славные своими беспорядками, а всё вывозят куда-то, аккуратно упаковав в ящики и коробки. Вся эта болтовня продолжалась в том же духе, пока кутникам не пришла пора перевести дыхание от застойной беседы и сделать ещё по одному глубокому глотку. Только после этого разговор начал переходить в конструктивное русло.

– Время у нас есть до прихода нужного состава, – дала понять Незабудка, видя, как Углёнок ёрзает на табурете, поглядывая украдкой на выход. – Тамошний вагонник по имени Кишь-Мишь – стоворчивый малый. Своих подвезти всегда готов. К тому же он мой должник. А я долги не забываю.

Странное промелькнуло в её взгляде и тут же пропало.

– Ты, малец, семьёй обзавестись, как я понял, всё ещё не удосужился? – задал Кошкан весьма неожиданный вопрос и сделал такое лицо, словно ответ его вовсе не интересует. Тем не менее, было видно, как его уши, будто маленькие локаторы, сканируют пространство на предмет интересующего Кошкана ответа.

– Да куда ему, батя. Верно же сказал, малец он ещё, – встрял Чулан, набитым ртом пережёвывавая сладкие сухари.

– Цыц мне тут! – оборвал среднего сына Кошкан. – Тут я ещё спрашиваю!

И тут же мягким голосом продолжил, вновь обратившись к домовёнку:

– Оно и понятно. Только из-под крыла родительского вырвался. А зазноба или подружка какая есть? Иль не успел ещё приметить да глаз положить?

– Одни мы с сестрёнкой у отца и матери. Сосед с красной бородой, да разные другие домовые в подъезде моём проживают. Про девиц, тем более лепых, в нашем доме ведать не ведаю.

– Всё как всегда. Скрывают домовые чадушек своих до поры до времени. Народ они усердный и прижимистый. Смотрины устраивать никогда не спешат. Сами сначала к молодому кутнику присматриваются, стоит ли он того? – резюмировала Незабудка. – Эдак не скоро ты себе невестушку сыщешь. Пока они присмотрятся, по углам пошущукаются, откупные определяют, так и молодость пройдёт, что не заметишь. А у нас всё по-простому. И девка на лицо не страшная, да на руки работающая. К тому же жильё у неё имеется. Ты уж, будь добр, присмотришься к ней, да не оплошай. Не то вагонный молодняк, что на вокзале нашем прогуляться выходит, покуда головной электровоз меняют, такую девку из под носа не увели. Даже собачатся они промеж собой из-за дочки нашей, так она кутникам вагонным по душе пришлась!

Незабудка никак не могла также обойти вниманием своих старших сыновей, которым по возрасту полагалось в женихах ходить:

– А эти два красавца, несмотря на то, что оболтусы, – голос её зазвучал ласково и взгляд потеплел, когда она переводила его с Чулана на Шпинделя и обратно, подразумевая под определением "красавцы" несомненно, их, – и то мною пристроены за вагонных девчат. Ещё годок – другой вагонные девки в своих поездах поошиваются, уму разуму наберутся, да рукоделиям разным у старших пообучатся и к нам под крышу упорхнут. Там, глядишь, и свадебки сыграем.

– А Жмых? И у него невеста есть? – с чего-то вспомнил о конопатом приятеле домовёнок.

За столом все дружно рассмеялись, включая самого Жмыха.

– Да кто же за Жмыха пойдёт? – сквозь смех вопрошал Чулан. – Именем его ещё не нарекли!

– И то верно, – вторил среднему сыну Кошкан. – Не нашёл он себе ещё умения такого, чтобы имя достойное подобрать. Ведь как у нашего брата-кутника имя даётся? Правильно, по способностям его, аль по занятию определённом. По характеру, опять же. А у домовых или иных прочих, что матерями, жёнами, дочерями аль сёстрами нам приходится? Им имена за качества их душевные да характер дают. Вот, к примеру, Перинка что значит? Это предмет строго неодушевлённый, суть постельная принадлежность. Но имя дочери не за то мы дали, что она в спальнях порядок наводит, а за то, что характер у неё мягкий и душа нежная! Посмотри внимательно на супругу мою. Она красива, как тот цветок полевой, что незабудкой зовётся. А ещё память имеет такую, что не забывает ни добрых дел, ни, тем более, злых. Ни-ко-гда.

Кошкан нарочно выговорил Последнее произнесённое в монологе слово по слогам, чтобы прозвучало оно весомей. Посмотрел с гордостью на Незабудку и продолжил:

– Оттого и любят её все, и боятся те, кому надо!

– Вот и ты, домовый, имя своё носишь. А за что нарекли тебя так мать – отец? – строгим тоном даже не спросил, а потребовал ответа Чулан, сидя с самым серьёзным видом напротив.

Не хотелось Углёнку рассказывать, что взглядом своим любой предмет испепелить может, что глаза его при этом становятся чёрные, как два уголька. Что видеть он может то, что другим не под силу. Ведь сам он не понимал ещё, как это работает, и потому не сумел бы объяснить хозяевам вокзала своё чудо-умение. Да и не испугаются ли они, оговорись он про тот случай с обожжённой рукой и пожаром в мусорном ведре, после чего, собственно, и был наречён таким именем. А ну как слово за слово и вытянут из него про мерзкие многорукие рожицы? Чтобы сказать, чтобы не соврать?

– А потому и Углёнок, – твёрдым голосом заговорил домовый, – что любимым занятием было по углам таиться, да за жильцами в квартире наблюдать, а потом отцу рассказывать, что да как. Ну а батяня, узнавши от меня, где человек что-то положил да где и что обронил по неосторожности, с того самого свой рабочий день начинал, что порядок наводил за людьми. Любопытный я с детства и застенчивый.

Домовёнок, рассказавши эту почти правдивую версию своего имени, придуманную только что, заметил, как выражение неподдельного интереса на лицах вокзальных кутников сменяются гримасами разочарования. Даже Жмых сидел, опустив глаза, и ковырял пальцем столешницу. Не мог Углёнок не знать, что невдомёк вокзальникам, как он в детстве боялся открытых пространств квартиры. Что он даже на шаг боялся отойти от пристеночка. Ведь именно в углу, где как раз две стены сходятся, там он и чувствовал себя очень защищённым. И ему в самом деле ничего не оставалось, как наблюдать из своего кутка, чем занимаются люди, а во время обеда или ужина сообщать о том отцу в плане поддержания разговора. Не его вина, что отец работать лишь под вечер начинал, до самого обеда позволяя себе дрыхнуть в тёмных закутках квартиры.

– Н-да, – разочарованно протянул Кошкан.

А Незабудка, немного помешкав, взглянула на Углёнка ободряюще и уверенным тоном, не терпящим возражений, сказала:

– Ну, ничего, ничего. Всё-таки собрался в дальние края, а на это не всякий способен. Там, глядишь, и имя другое подберётся. Ведь так, мон шер? – обратилась она к супругу.

Перинка положила свою ладонь на его руку и сжала её, выражая свою поддержку. А домовёнок почувствовал в себе уверенность и выпрямил спину.

– Но это не всё, – начал исправлять Углёнок неловкую ситуацию, в которую сам себя поставил, лихорадочно соображая, чего бы сказать, что б и правда, да такая, какую не испугаются и лишнего не спросят. – То было, пока я недорослем по углам сидел, да от стен отойти боялся. Повзрослев, я, как и всё моё семейство, стал очевидцем пожара, произошедшим в квар-

тире. И пока один человек лежал на полу без сознания, а другой отвлекся на свою обожжённую руку, мы тушили то пламя, тушили и потушили. Я в саже изгваздался, как трубочист, но участие в пожаре принял самое непосредственное. Так Углёнком и нарекли, учитывая к тому же мою давнюю любовь к углям. А имя моё мне нравится. Другое вряд ли для меня подойдёт.

Обстановка разрядилась вновь. В глазах вокзальных вновь читалось уважение и более того, Чулан со Шпинделем переглянулись, одобрительно кивнув Углёнку.

– А давайте ещё чаю? Что мы так просто сидим? – по лицу Жмыха вновь расплзлась довольная ухмылка. – Этак парень голодным от нас уедет, чего допустить ни в коем разе нельзя!

– И то правда, – вторила ему мать. – Пора уже и откушать, водой сыт не будешь!

Она принялась раскладывать по тарелочкам яблочные и мандариновые дольки, а после упорхнула из-за стола и вернулась со вкусно пахнущим пирогом, что был завернут в белое полотенце, дабы не остыл.

– Ого! Мамин пирог! – впервые за утро по собственной инициативе подал голос Шпиндель. – А он с яблоками?

– Нет, сынок. Раз яблоки на столе, значит, пирог с черникой, – ласково поправила детину мать, принявшись резать тёплую выпечку на равные доли.

Ели молча, смакуя каждый кусочек. Переговаривались изредка короткими фразами, отдавая должное Незабудкиной стряпне. Шпиндель заявил, что такой наивкуснейший пирог может испечь только его мама, и Углёнок молча с ним согласился, хотя его мать тоже готовила весьма недурно, но редко, предпочитая всякой стряпне увести вкусняшку-другую у людей. Зря что ли они живут в квартире с домовыми? Должны ведь как-то людишки компенсировать чистоту, заботу и уют, которые им дарят бесплатно и от всей души.

Первой закончила трапезничать хозяйка. Она посмотрела на часы, светившиеся на экране телефона, и встала из-за стола:

– Вы кушайте, ни в чём себе не отказывайте. А мне необходимо потолковать кое с кем, – проворковала она деловым тоном и покинула коробку.

Следующим тишину нарушил Кошкан:

– Как тебе у нас спалось? Как кушанья наши? – поинтересовался он, сияя самодовольной рожей и явно ожидая лишь одобрительного ответа. – Скажи мне, друг мой домоседный, чтобы ты делал без участливого внимания со стороны хранителей вокзала? Где бы ты почивать, к примеру, изволил, если бы не наше гостеприимство?

– Спалось мне, наверное, лучше, чем если бы я спал на траве под кустом. Стряпня просто замечательная. И чай такой, что вкус тот век буду помнить. А без вашего участия я бы на поезд нужного направления едва ли смог бы попасть. Спасибо доброй Покатунье и дядьке Поездуну, что поверили мне и свели с вами. Так что спасибо и вам, и им за всё! А чем я могу вас взамен отблагодарить?

– Мы тебя в скором времени на поезд посадим и Кишь-Мишу как надо отрекомендуем. Он нам изюм сладкий передаст, а мы ему чайного сбора, коим почивали тебя сегодня, дадим на дорожку. Так что поедешь с комфортом и щербетом до самой Большой Пристани. Вот так мы наших гостей уважаем и помогаем им, чем можем.

– Спасибо и за это, добрые вокзальные! Чем я могу вас отблагодарить за этакое внимание?

– Погоди благодарить, в поезд тебя ещё не посадили, – неожиданно резко оборвал Углёнка Жмых. Кошкан с Чуланом воззрились на младшего вокзальника с явным неодобрением, а Углёнок побледнел от испуга. Это он два раза уже свои услуги предложил. И что они попросят взамен, если он и в третий раз, поддавшись на сладкие речи, напросится со своей благодарностью одной Берегине известно. Ай да Жмых! Ай да молодец! Углёнок с благодарностью посмотрел на лопухого вокзальника, мысленно приняв его в свои лучшие друзья. А тот сидел, тяжело дыша, из-под насупленных бровей глядел на отца с братом и шмыгал носом.

"Хватит с Углёнка одной жемчужины! – с какой-то стати подумалось домовёнку про себя в третьем лице. – Ведь того и гляди, пока доедешь до моря, всем встречным-поперечным домовым да вокзальным с вагонными должным станешь! И пока те долги отдаёшь, на себя самого времени не останется. А там, глядишь, вся жизнь пролетела в заботах о чужих благах, но ты так домой и не вернулся!".

Кошкан и Чулан начали перебивать Жмыху косточки, говоря о том, какой непутёвый у них родственник, да что из него в жизни ничего путного не выйдет. Жмых глядел на них исподлобья, сжимая под столом кулаки. Шпиндель отрешённо, словно пытаясь дистанцироваться от брата с отцом, гонял пальцем остатки пирога по тарелке, а Перинка, по-прежнему сжимая Углёнкину руку, явно пыталась вставить слово в защиту брата, но у неё это не получалось. Ещё раз взглянув на нахмуренное от обиды на несправедливость конопатое лицо приятеля, домовёнок почувствовал знакомое чувство наступающего жара. Однажды, пережив подобное не по своей воле, он боялся своего бесконтрольного взгляда, на раз тушащего любую ссору самым настоящим пожаром, и домовёнка не на шутку пробил до холодного пота самый настоящий испуг. Какие бы нехорошие затеи Кошкан с Чуланом не замыслили, всё-таки Углёнок вдоволь пользовался их гостеприимством. А ещё он находился в доме, где жили простодушный Жмых, добрая Перинка, спокойный увалень Шпиндель и Незабудка, которых он мог бы за секунды лишить тёплого и уютного жилища, о котором знали не только окрест, но и в далёких городах, куда шли и шли поезда через их станцию.

"Только бы не увидеть мерзких маленьких рожиц!", – теряя самообладание, уловил Углёнок собственную мысль.

Но внезапно положение спасла Перинка. Да как изящно она это сделала! Об стенку напротив Углёнка ударилась чашка, затем другая, подбив на излёте первую. Затем пришла очередь Незабудкиной тарелки, что, проносясь над головой Чулана, растеряла остатки пирога, и тот смачно расплылся по Чулановой макушке. Перинка так быстро обошлась со столовыми приборами, что Жмых с запозданием издал удивлённое:

– О-о-о!!

А Кошкан по инерции договаривал очередное порицание в его адрес, постепенно замолкая, но был он уже далеко не в центре внимания.

Гвалт за столом мигом утих и все присутствующие, включая Шпинделя, что за время скандала успел сконструировать из двух десертных вилок какое-то хитрое приспособление, открыв рты, уставились на Перинку. Она молча рассматривала брата и отца, словно энтомолог жалких насекомых. Лишь раскрасневшееся лицо, да забранные на затылке в хвост белобрысые волосы, что выпрямились сейчас в разные стороны, словно наэлектризованные, указывали на то, в каком страшном гневе находится эта милая и тихая девочка. И вот она заговорила, добивая обоих пустобрёхов каждым своим чётко произнесённым словом, сказанным негромко и потому услышанным всеми в воцарившейся за столом тишине:

– Ругаться громко может каждый, но какой с той ругани толк? Ну, наорали вы дуэтом на Жмыха, и чего этим добились? Только парня почём зря разозлили. А ведь он был уже на грани, ещё чуток и всем пришлось бы худо.

Теперь Углёнок непонимающе воззрился на приятеля, пытаясь понять, что в этом простаке такого. Но Перинка продолжила интриговать, переключив внимание домовёнка на себя:

– Да и кто ругался-то? Кошкан и Чулан ругались. А кто есть Кошкан? Что такого полезного он делает, коль его Кошканом кличут? Котам помойным соболезнует. Вот и всё его предназначение. А Чулан? Кто он таков? Первый на всём вокзале хитрюга и ловкач. Тем он в камере хранения и промышляет. Ради забавы сумки пассажирские вскрывает и берёт, что ему нужно, а потом у вагонников обменивает на бражку, которую они с отцом на пару приговаривают. Ну, а если вскрыл чемодан, а глаз положить не на что, то и нагадить в чемодан не грех. Да не со злого умысла, а чтобы потешиться, когда скучно ему. Иначе чего зря вскрывал? А кладов-

щикам из камеры хранения сколько пакостей переделано – уже и не счесть! То-то злые они всегда на пассажиров! Я, конечно, не собираюсь отрицать того факта, что мои отец и брат – это мои отец и брат, но невозможно отрицать и того, как они только что хотели повесить на нашего гостя, повторюсь – Гостя, клятое третье спасибо, после которого уже не отвертишься и в раба превратишься по собственной воле. А дело это у нашего народа распоследнее – благодарность выбивать за добрые дела и предложенное гостеприимство! Ты спрашивал давеча, батюшка, чего это дочка твоя ушла на постой к злой страшной тётке. А то и ушла, чтоб не быть рядом с вами. И живём мы с ней душа в душу. Я ей чистоту и порядок обеспечиваю, а у меня за это свой уголок имеется, где живу, не таясь. Молоко каждый день, да пряники, шоколад да карамельки. И пусть не видит она меня, зато чувствует и уважает. А вы видите, да в упор не замечаете. В том между вами огромная разница.

Теперь уже Кошкан с Чуланом сидели, насуплено глядя на Перинку, которая, не чураясь старших, резала правду – матку по живому, не взирая на возраст и авторитеты. А Перинка тем временем, встав из-за стола, обратилась к домовёнку с младшим братом:

– Пойдём, Углёнок. И ты, Жмых, с нами. Нечего тут сиднями рассиживать. На посадку вскоре. Я расписание поездов без часов чую наперёд.

Они подошли к выходу из каморки. Углёнок обернулся, стоя в дверном проёме, и встретился взглядом с совершенно растерянным Чуланом и тяжело дышащим Кошканом. Сидевший промеж их здоровяк, ни на кого не глядя, превращал недавно созданную неведомую штуковину обратно в две вилки. Углёнку очень стало их жалко, ведь природу существа не переделаешь. Он почувствовал внезапный порыв поклониться им в знак благодарности, но вовремя вспомнил об уроке, который преподавал ему Щучий Хвост, и отказался от этой благородной затеи. Вдруг поклон тоже засчитается? Тогда он молча помахал на прощанье рукой, грустно им улыбнулся и вышел в огромное пространство вокзала навстречу своей судьбе, что влекла его неизвестно куда, но уже понятно за чем.

Ловко лавируя между спешащих ног, тройца почти достигла входной двери вокзала, как им навстречу из-за высокого зелёного чемодана вырулил толстячок с двумя мешочками в руках и, увидав вокзальных, выронил эти мешочки на пол, чтобы раскинуть руки в радостном приветственном стремлении обнять знакомых, ослепив при этом всех ярким зайчиком света, отскочившего от переднего золотого зуба.

– Вай, кто идёт! А кто это идёт? Тебя знаю, тебя не знаю, тебя опять знаю! Кишь-Мишь знает всех, а его не знает! Кто скажет мне, кто это? Эй, мать, посмотри, кого я встретил! Ты глянь на них двоих и на третьего!

Кишь-Мишь сграбастал брата и сестру, сжав при этом так, что им стало трудно дышать, и искренне сияя от радости, продолжал слепить глаза своим зубом. Выходило, что он очень уважал представителей этого странного семейства, не стесняясь проявить чувства при посторонних. А из-за того же чемодана, сторбившись под тяжестью большого клетчатого мешка, кряхтя, вышла Незабудка. Добредя до них, она сбросила свою ношу с плеч и с облегчением выгнула спину, прихватив поясницу руками.

– Вот он, тот самый молодец, о коем я тебе поведала давеча. Ты его до Большой пристани, сиречь до Ленинграда, повезёшь. Доедет он у тебя со всеми надлежащими удобствами, а не в тамбуре, как некоторые.

Кишь-Мишь что-то буркнул недовольно себе под нос, но тут же натянул обратно на лоснящееся от сытой жизни лицо улыбочивую маску благодушия, давая понять, что с таким комфортом, как у него, ни один домовёнок в мире ещё не ездил. Так что, мамаша, можете себе не беспокоиться.

– Так это ты собрался далеко куда сам не знаешь, да? Тогда старый Кишь-Мишь доведёт до пристани. Хочешь – до большой, хочешь – до маленькой. Куда скажешь, туда поезд и поедет. Дядька Кишь-Мишь все поезда знает, давно ездит.

– А Маленькая Пристань и правда есть? – спросил окружавших его кутников Углёнок, вновь смущённый обстановкой, в которой он оказался.

Все весело рассмеялись, а довольный вагонник ещё шире растянулся в улыбке, заложив пальцы за лацканы пиджачка с пуговицами, блестящими как золотые. Он производил впечатление витрины в ювелирном магазине. Всё, что могло блеснуть на одежде: пуговицы, нашивки на плечах, кокарда на фуражке и бляха на ремне, торчавшая из-под полов разъехавшегося на круглом пузе пиджачка, блестело золотом. Ну а то, что не подходило под понятие одежды, тоже отливало золотом. Это были перстни на пальцах и значки на груди, золотозубая улыбка и золотая цепочка на толстой шее. Таких колоритных персонажей Углёнку встречать прежде никогда не приходилось, даже среди людей. Конечно, за предыдущий день он насмотрелся всякого, но уже начал напрягаться от осознания того факта, что ещё не покинув родной город, ему на пути встретились разные, порой очень своеобразные личности. А что будет дальше, одной Берегине известно.

"Так что будь готов ко всему, братец", – сказал Углёнок сам себе и улыбнулся Кишь-Мишу обычной простецкой улыбкой, принимая очередное испытание судьбы в виде смуглого вагонника.

Незабудка, отсмеявшись, обратилась к Углёнку:

– Есть Маленькая Пристань, есть Средняя, а есть и Большая. Да и много их на самом деле по берегам морей и рек люди настроили. А названия даны этим Пристаням людьми очень своеобразные, человеческие. Так же, как и этому городу, и другим, большим и малым городам. И всё это потому, что путешествуют люди много и везде, а для ориентации в пространстве у них всему своё название придумано, чтобы не запутаться и не приехать туда, куда не надо. Да только мы, народец малый и незаметный, к перемене мест не склонный, именуем свой город, в котором живём – Городом, улицу – Своей улицей, дом – Своим домом, а большего нам не надо. Чужие же названия нам и знать не интересно. Но тебе, коль уж ты в далёкие пути собрался, такие названия пригодятся. Потому я тебе подарок от нас от всех в вагоне Кишь-Миша оставила. Ты грамоте обучен, тебе сгодится.

Углёнок только раскрыл рот, чтобы отблагодарить добрую Незабудку, как маленькая ладонь легла на его губы, а Жмых зашептал что-то матери на ухо. Лицо Незабудки стало блее мела, а глаза почернели, пока она слушала то, что наговаривал ей Жмых. Невидящим от переполняющего её гнева взглядом она глядела поверх голов окружавших её кутников, а в почерневших зрачках появились две ярко-оранжевые точки. Кишь-Мишь присел, закрыв голову руками. Перинка потянула Углёнка в сторону, и у него неожиданно перехватило дыхание от пришедшей в голову догадки. Нет, сюрпризы в этот день и не думали прекращаться! Домовёнок жадно всматривался в Незабудкины глаза, как будто видел себя со стороны, пока Жмых не потряс мать за плечи и примирительно не сказал ей, пытаясь успокоить:

– Ма, хватит уже! Обошлось ведь!

Тихо ойкнув, Незабудка прикрыла веки и, глубоко вздохнув, вновь открыла их. Когда её глаза вновь засияли небесной синевой, тогда Перинка решила тихо спросить мать, убедившись, что та окончательно пришла в себя, избавившись от малейших проявлений гнева:

– Ты ведь их простишь, ма?

– Прошу, дочка. Конечно, прошу, но позже. Так им и передай, если они ещё не успели спрятаться. А ты, мон ами, благодарностями своими разбрасываться брось. Не для благодарности тебе добрые души помогают, ничего не прося взамен. Так же и ты: не жди, когда тебя о помощи попросят, а сам помоги, если трудно кому. Запомни, дружок: не проси никого ни о чём. Хороший сам тебе поможет, а плохого попросишь, лишь в кабалу попадёшь.

И, повернувшись к своим чадам, скомандовала:

– Теперь, детки, похватили мешки с изюмом и марш домой!

Таким же командирским тоном, но уже с ноткой угрозы в голосе, загадочная вокзальница дала напутствие Кишь-Мишу:

– Слушай меня внимательно, леприкон недоделанный! – и кратко, в то же время ясно объяснила вагоннику, что случится с его зубом, где окажется его глаз и все его значки, если по дороге с Углёнком что-нибудь случится или вагонник хитростью попытается поиметь какую-либо выгоду с наивного попутчика. Ведь если он обидит Углёнка, то обидит и Незабудку, а она, как известно, обид не забывает.

Настало время прощаться, или, как сказал Жмых, "досвиданькаться" так как, по его мнению, прощание – это навсегда, а свидеться ещё страсть как охота, чтобы послушать в спокойной обстановке рассказы Углёнка о том, где он побывал и что видел. Они пожали друг другу руки, а Перинка положила ладони на плечи домовёнка, наклонив слегка голову. Углёнок сделал тоже самое, и они аккуратно соприкоснулись лбами. В этой позе молодая вокзальница и домовой простояли несколько секунд и, обоюдно удостоверившись таким образом в чистоте помыслов, молча разошлись. Незабудка же, подойдя вплотную и заглянув в глаза Углёнку, сказала ему едва слышно:

– Ты на Кошкана и Чулана зла не держи. Порода у них такая, с вывертом. Своим зла они не творят, за своих они горой и, если потребуется, Последнее отдадут. Просто ты не стал для них своим, вот и принялись они против всех правил идти, выгоду себе искать. А что по мне, так ты абсолютно обычный домашний кутник, неприспособленный к жизни за стенами человеческого жилья. Скажу наперёд, тяжело тебе будет, но вижу, знаешь ты об этом и всё одно идёшь к своей цели, как давным-давно одна девчонка, сорвавшаяся из насиженных многими поколениями мест, пустилась в путь. Да только как она ни старалась, так дорога её к дому не привела. А у тебя всё получится.

Незабудка внезапно спохватилась, поняв, что наговорила того, чего не стоило говорить, и живо перевела тему:

– Младшие мои души в тебе не чают. Ты для них особенный, потому и привязались к тебе в столь короткое время. Шпинделю ты что есть, что тебя нет. Ведь ты не железка, не машина какая, чтоб тебя разобрать и собрать по новой. А теперь давай прощаться. Эй, Перинка, ты ничего не забыла?

– Ой, запаматовала совсем! – спохватилась девчонка и скинула с плеч тонкую лямку небольшого вещевого мешка, что успела захватить перед выходом из дому. Протянув его домовёнку, тихо молвила:

– Возьми в дорогу чай, который так тебе понравился. Кишь-Мишу мама уже отдала, так что это тебе, на здоровье. И не благодари, не надо.

Вокзальные подняли с пола мешочки с изюмом, собираясь уходить восвояси. Жмыху достался самый большой, который прежде несла Незабудка, а сама она и Перинка держали в руках по малому узелку.

– Лёгкой тебе дороги! – простились с домовёнком его новые друзья.

– Удачи вашему дому! – услышали они в ответ.

Недавние знакомые повернулись друг к другу спинами и молча разошлись. Новые друзья домовёнка отправились в своё уютное картонное жилище, а Углёнок, едва поспевая за Кишь-Мишем оказавшимся неожиданно проворным для своей комплекции, покинул здание вокзала, где вокруг большого зелёного чемодана бегал дядька в синей куртке и орал:

– Да куда же это полиция только смотрит?! Кругом одно хулиганье! Им курить запретили в общественных местах, так они теперь в чужих куртках дырки прожигают, и не по одной, а сразу по две! Что же это делается, а, товарищи!? Ну как с ними ещё бороться!?

Глава 11.

Первым делом, заняв своё место в закутке вагонного, Углёнок развернул карту, что вместе с мешочком чая подарила ему Незабудка, и стал её изучать. Судя по краям этой карты, она

была лишь частью одного большого листа, оборванная с четырёх сторон, и на ней красовались две огромные буквы "С". Остальные слова были обозначены шрифтом меньшего размера, следующие – ещё меньше и так далее.

"Вероятно, это связано со значением той или иной территории или города. Чем менее значимый и более провинциальный, тем малозаметней на карте. Эстония, Таллин, например. Как умно составлена карта. Но неплохо было бы всю её собрать воедино снова. Справлюсь с заданием, займусь этим непременно".

Домовёнок сложил карту и поместил её аккуратно в мешочек с чаем "От вокзальных".

Наконец он соизволил обратить внимание на Кишь-Миша, который требовал этого внимания с тех пор, как они уселись к нему в "Укромное Место", а добившись его в конце концов, принялся разливать чай и вести беседу, которая заключалась в банальном монологе насыщенного сверх меры всякой ненужной информацией вагонника, которой он должен был поделиться с кем-нибудь во чтобы это ни стало, иначе его бы просто разорвало.

Мерный перестук колёс на стыках рельс потихоньку убаюкивал Углёнка. Он то и дело клевал носом, но делал над собой усилие и поднимал голову, чтобы, глядя на Кишь-Миша, отдавать должное гостеприимству болтливого толстяка и сладкому чаю с халвой, который подавался уже в четвёртый раз. При этом домовёнок думал, что ещё бы четыре выпил. Настолько

был вкусен чай и настолько были малы пиалки, что Кишь-Мишь наполнял до краёв, на короткое время отвлекаясь от своей собственной болтовни. А уж лясы поточить толстый вагонный любил не на шутку, рассказывая домовёнку, несмотря на его полусонное состояние, о старых городах в азиатских степях, которые стоят века и простоят ещё сотни лет, о южных и северных морях, на берега которых его доставляли пассажирские составы, следуя до станции назначения. При этом он свысока поглядывал на Углёнка, давая понять, что он-то уже все окрестные моря повидал, в отличии от некоторых, пусть и из окна вагона, но всё-таки.

– На южных морях, – потягивая чай и прищуриваясь, повествовал вагонный, – солнце жаркое, совсем душно в поезде ехать! Чай пить надо, а воду не надо. Пот пошёл – вода ушёл, а чай остался! Солнце, жара! А на станциях фрукт-сухофрукт, овощ, изюм! Фрукт-овощ не поедет на север, станет плохой по дороге. Куда девать? Изюм доедет, урюк доедет, халва-щербет доедет. А северный домовик да вокзальник – ай как сласти любит! Им на севере витамин нужен! Там солнца нет, тепла нет, ничего нет. Снег есть, метель есть, холод есть. Ещё золото много-много есть! Будет домовый-вокзальный золото есть? Нет, не будет! А изюм, урюк, чернослив будет! Витамины всем надо. А у кого витамины? У Кишь-Миша витамины! И торговля идёт! Ой, идёт!

И продолжал Кишь-Мишь в том же духе, иногда вставляя непонятные домовёнку слова, чтобы подчеркнуть достоинство какого-то места, или опуская уголки губ вниз, очевидно, проявляя явное пренебрежение к предмету повествования. После пятой выпитой пиалки вагонный заглянул в красную металлическую бутылочку с широким горлышком и тоскливо произнёс:

– Вай-вай! Чай совсем закончился! Как халва без чая есть? Кто ест халва без сладкий чай? Чай брать надо! Полный термос наливать надо! Термос тепло долго-долго сохранит, Кишь-Мишь с домовёнком долго-долго чай горячий пить будут. Разговаривать будут!

"Интересно знать, – подумалось в тот момент Углёнку, – задавался ли Кишь-Мишь вопросом о том, можно ли пить сладкий чай и не есть при этом халву? По-моему, он уже изрядно халвы наел, судя по размеру его пуза. Надо бы сказать ему об этом как-нибудь".

Сделав столь глубокомысленное умозаключение, он зевнул во весь рот.

– Эй! Чего зеваешь? Чай заварить надо! Пить чай, говорить надо!

– Так ведь нет чая. Халва только осталась, – без всякого энтузиазма отозвался домовёнок.

– Чая нет здесь, – Кишь-Мишь ласково погладил свой термос. А секунду спустя певуче добавил, подняв вверх указательный палец и закатив глаза:

– А там чай есть.

Оказалось, что сидят они в маленьком кутке, расположенным аккуратно под большим вагонным самоваром, который вагонник, подражая людям, уважительно именовал Титаном. В этом Титане всегда есть горячая вода. А без горячей воды, в которую можно насыпать заварки и наслаждаться ароматным напитком, по мнению толстого вагонника, жить никак нельзя. Потому он и поселился под ним. Во-первых, тут всегда тепло, а во-вторых, всегда можно набрать кипятка и заварить чай.

– Вернее, – поправил Кишь-Мишь сам себя, – то, что во-вторых – это во-первых, потому что более важно, а то, что во-первых – это во-вторых, так как тёплых и уютных мест в вагоне предостаточно. А Титан – он один!

В его голосе отчётливо прозвучали нотки благоговения перед большим вагонным самоваром, словно он объяснял непутёвой пастве основы своей религии.

– Так что, молодой домовый, за кипятком сходи? Ты быстрый, а дядька Кишь-Мишь медленный. Тебя не увидят, а меня увидят. Пока старый Кишь-Мишь залезет, пока вода откроет, пока вода нальёт, пока вода закроет.....

– Ладно уже, дядя, – прервал его Углёнок, не дожидаясь окончания нудной просьбы. – Наберу я кипятка, чего уж там. Вот только скажи мне, кто тебя увидит? Ведь люди не способны нас углядеть. Может, нечисть какая в вагоне живёт?

– Вай! Если бы нечисть, тогда ещё ладно! С нечестью договориться можно. Товар, золото есть, договор будет. А ведь именно люди!

Он горестно обхватил голову своими пухлыми ручками и закачал ею с боку на бок, горестно причитая:

– Путь долгий. Люди бражка пей, много пей! По вагону ходи, громко говори, спать не давай! Вай-вай! В унитаз не сразу попади, рядом наблюдай и накури! Хуже любой нечисть! Вай-вай! А у человек под бражкой, – он наклонился вперёд и заговорщицки зашептал Углёнку в лицо, – взгляд всегда косой, и он наш брат-кутник видит сильно-сильно! А как увидит, то кинет чем-нибудь или ударить пытается. Но при этом всегда плюёт через левый плечо и слова нам обидный говорит, чёртом-бесом и нечестью называет! Плохой человек, если пьяный, ой, плохой! И всё потому, что видит то, что ему нельзя видеть, но не видит то, что видеть должен! А они уже давно начали. Как поезд сели, сразу запах пошёл! Дядька Кишь-Мишь все запахи в вагоне знает, а этот запах даже во сне учует!

Домовёнок на самом деле рад был не отказать в просьбе вагоннику. Что для него какого-то там кипятка в термос набрать! Он с удовольствием исполнил бы и что-то более серьёзное, чем эта простецкая задачка. Ведь для него столько добра сделали совершенно ранее незнакомые вагонные да вокзальные. Теперь он их всех считает своими друзьями. Что касается людей, то люди – не проблема. Людей, поди, видел не раз, вырос среди них, как-никак. Да и они его видали. Чего уж там греха таить, было разок.

– Дядька, давай сюда свой обожаемый сосуд! Да обскажи в подробностях, куда идти, что и как делать!

Физиономия вагонника залоснилось масляным блином, и он с довольным видом протянул Углёнку свой термос с привязанной к горлышку крышкой, профессионально вытряхнув из него старую заварку в пакетик с мусором, умудрившись не проронить ни единой чайники, и начал предварительный инструктаж:

– Дядька Кишь-Мишь дверь открывай, тебя выпускай. Ты вверх, на подоконник, потом за Титан. Осмотрись, оглянись. Нет никого – термос под кран подставляй, воду открывай шибко-шибко! Быстро вода побежал – быстро термос наполнил, медленно побежал – ждать долго опасно! Вода набрал, крышка закрыл, по верёвочке вниз спустил. Я взял, ты слез – сидим чай с халва пьём, разговоры разговариваем.

Углёнок кивнул в знак того, что понял эту бесхитростную тарабарщину, и хозяйственный Кишь-Мишь припал глазом к щели в двери, жестом руки указывая Углёнку ждать команды. Ждали недолго. Толстяк-вагонник нашептал нужные слова в замочную скважину, и нехитрый запорный механизм проскрежетал негромко в ответ, давая возможность кутникам раскрыть дверь своего пристанища. Кишь-Мишь, не поворачивая в сторону Углёнка головы, тихо стал подгонять Углёнка, неизвестно кого опасаясь:

– Быстро-быстро пошёл, людей нет! Вай, есть люди, конечно, есть, куда без них! Только их не видно!

Он придал рукой ускорение домовёнку и захлопнул за ним дверь. Углёнок вылетел из Кишь-Мишиного закутка и замер на несколько мгновений, пока его глаза не привыкли к освещённому солнцем вагону после полумрака. Он быстро сориентировался и кузнечиком вскочил на неширокую площадку под окном, придерживая притороченный к спине неудобный громоздкий термос. С площадки он намеревался, действуя согласно плану, допрыгнуть до необъятного Титана, как тут дверь купе напротив отъехала в сторону, и в узкий коридор выплыло, заполняя собой весь дверной проём, массивное тело в юбочном костюме с погонами и при галстукке. Углёнок даже замешкался при виде этой тётки, не забыв открыть, как полагается в подобных ситуациях, рот, в полнейшем изумлении глядя на Покатунью человеческих размеров. Пока проводница наполняла свой стакан кипятком, без зазрения совести пользуясь Кишь-Мишиным Титаном, до домового медленно дошло, что это не Покатунья выросла ввысь и шири, а

это особая порода вагонных тёток, которые похожи, как две капли воды на себе подобных, но в иных масштабах. Вода перестала наполнять гранёный стакан в красивом подстаканнике, и оттуда пошёл пар, а Углёнок чуть не подавился слюной от предвкушения того момента, когда он будет снова прихлёбывать чаёк, но теперь уже в прикуску с изюмом, которого у Кишь-Миша целый мешок.

Однако в этот момент поезд заметно тряхнуло, и он стал замедлять своё движение. Из купе вышла вторая проводница, невысокая и поджарая, средних лет по человеческим меркам, а по меркам домовых – сущий младенец. Углёнок был старше её как минимум втрое. Проводница обратилась к Покатунье-два:

– Пять минут стоим. Может, на минуту отход задержат. Всё же на этой станции много народу выходит. Да и зайдёт никак не меньше.

Договаривая фразу, она уже шествовала к выходу из вагона, а толстуха заперлась в служебном купе. Лишь только тогда домовёнок решил подобраться к крану с кипятком и подставить термос. Воровато озираясь по сторонам, открыл флажок и наполнил термос до краёв. Аккуратно завинтив крышку, свесил голову вниз и встретился взглядом с Кишь-Мишем, выглядывающим в нетерпении из приоткрытой дверцы. Вагонник оживлённо начал жестикулировать, страшно вращая глазами, пытаясь тем самым передать как можно больше очень важной информации за наименьший промежуток времени, справедливо опасаясь, что начини он говорить, Углёнок его вообще не поймёт, а тут хоть какая-то надежда. Углёнок, не умудрённый до сих пор житейским опытом, понял его по-своему и прокричал в ответ:

– Да иду я, дядька Кишь-Мишь! Имей немного терпения! И принимай уже свой кипяток!

Домовой вывалил привязанный к тонкой бечеве термос за край и, проворно перебирая ручками, опустил термос прямиком к Кишь-Мишевой каморке. Поезд в это же самое время окончательно замедлил движение, почти остановившись, но напоследок так тряхнул вагоны, что Углёнка, потерявшего равновесие и ударившегося спиной о горячий Титан, понесло вперёд, и он свалился вниз по наклонной дуге. А пока летел, успел рассмотреть расстроенную физиономию вагонного, кричавшему вслед:

– Ты куда-а-а!?

Потом пришло понимание смысла отчаянной жестикуляции Кишь-Миша. За этим последовал удар об пол, и сквозь затуманенное сознание пробилась мысль, что ноги многочисленных пассажиров, спешивших к выходу, не оставят от него мокрого места. Сосредоточив всю свою силу воли, он на последнем дыхании, угасая разумом, отполз вдоль длинного сиденья в безопасное место к батарее и там отключился.

Пришёл в себя домовёнок от невыносимого кислотоватого запаха, стойко окутавшего всё окружающее пространство. Оглядевшись и осознав в полной мере, в какую передрагу он попал, Углёнок прошептал с горькой иронией:

– Сходил за кипяточком, называется.

Настала пора оглядеться вокруг. Ничего примечательного, кроме двух полиэтиленовых мешков со снедью и пары небольших сумок, Углёнок не увидел. Не увидел он и Кишь-Миша, озабоченно семенившего по вагону и заглядывающего во все щели, потому что домовёнку вдруг взбрело в голову залезть в одну из сумок и там, спрятавшись, прийти в себя и решить, как добираться до каморки под Титаном.

"Чего уж врать самому себе, – думал Углёнок, – ситуация напряжённая, обстановка незнакомая. Подумать надо. Хотя вообще-то боязно вылезать в коридор".

К этому поступку его так же не в малой степени принудил царящий вокруг уже упомянутый выше невыносимый запах, источником которого являлись три пары несвежих носков, торчащих из резиновых шлёпанцев, что принадлежали обладателям старых спортивных трико, изо всех сил пытавшихся флиртовать заплетающимися языками с четвёртой пассажиркой, в

отчаянном темпе собиравшей сумки, явно спеша на выход. Углёнок дожевал случайно попавшую под руку печенюшку из раскрытого в сумке пакета и тоже засобирился уходить восвояси.

"Чего только не бывает с испугу, – уже откровенно смеялся он над своим нелепым страхом, облизывая с пальцев шоколадный крем. – Увидеть меня всё равно никто не сможет, а до Кишь-Миша добраться – раз плюнуть. Это первые с краю места в вагоне, до каморки рукой подать".

На этой оптимистической мысли он было начал вылезать наружу, но решив порадовать попутчика вкусными печенюшками, нырнул назад. Мол, и чаю принёс, и печенек к чаю добыл. Вот тебе и почёт, вот тебе и уважение! А то всё для него, а он даже спасибо сказать толком не может. Нельзя пропускать такой удобный случай, чтобы отблагодарить за добро. И он начал набивать свой заплечный мешочек вкусной снедью, благо место в нём ещё было. Шестым чувством ощутив недоброе, когда поезд окончательно остановился, домовый метнулся было к выходу из сумки, но его опередила ухоженная дамская рука, очень быстро застегнув молнию, и Углёнок закачался в ней, выносимый прочь из вагона на никому неизвестной станции.

– Попили чай с печенюшками, – глядя снизу вверх на закрытый выход к свободе, устало подумал домовёнок. Если бы ему было знакомо слово "сарказм", то он непременно определил бы свою фразу как полную этого самого сарказма. Но он не был настолько эрудирован, поэтому лишь горько улыбнулся своей нелепой участи и уселся прямо в пакет, полный сладкой выпечки и карамелек в красивых обёртках.

Его несли недолго. Хозяйка сумки сделала несколько шагов, и Углёнок почувствовал, что сумку поставили на пол. Он попытался раздвинуть края сумки, и молния поддалась, слегка разъехавшись в стороны ровно на столько, чтобы Углёнок сумел выглянуть наружу одним глазком. Тут он и увидел пухлого вагонника, маячившего в окне за шторкой и озиравшего своими раскосыми глазами выходящих пассажиров. Кишь-Мишь делал это то ли от безвыходности положения, в которое угодил благодаря самонадеянности Углёнка, то ли профессионально чувял попутчика где-то поблизости. В любом случае ему не хотелось держать ответ перед Незабудкой, тем более что и ответить Кишь-Мишу было бы нечего.

– Эй! Я здесь! – заорал Углёнок, обрадованный возможностью обратить на себя внимание, и высунул руку в узкую щель, чтобы помаячить Кишь-Мишу ладошкой. На непонятный шелест никто из пассажиров, разумеется, внимание не обратил. Мало ли какие звуки раздаются на вокзале с приходом поезда. А Кишь-Мишь обратил. Он зашелестел в ответ, что Углёнок должен, пока не поздно, отодвинуть молнию на сумке ещё дальше. А там, где бы Углёнок не вылез, Кишь-Мишь найдёт его и препроводит назад в свой вагон. Да нужно пошевеливаться, поезд скорый, стоянка короткая.

Задача стояла перед домовым не из лёгких. Если с наружи можно было спокойно двигать на молнии собачку, то попробуйте сделать это изнутри! Тем более, когда сумку опять уже несут и неаккуратно бьют об чемоданы других пассажиров, совершенно не заботясь об её содержимом. Справившись с задачей номер один, он высунулся наружу по пояс, и возникшая перед ним задача номер два чуть было не ввергла его в глубокое уныние. Но домовёнок, чувствуя поддержку Кишь-Миша и всецело доверяя ему, потому что довериться больше было не кому, решил действовать так, как вагонник ему и говорил. Только задача номер два была посложнее первой и заключалась в правильном выборе направления, в котором нужно было двигаться, чтобы выйти вновь на перрон. А всё потому, что сумка с Углёнком уже перемещалась в здании местного вокзала, оказавшегося гораздо большим по размеру, чем вокзал его родного города. И люди здесь спешили в абсолютно разных направлениях, создавая неприличный хаос своими сутолочными движениями.

"Этак я могу домой к барышне, что любит печенюшки с шоколадным кремом, попасть, если и дальше буду тянуть кота за хвост. Уж лучше на вокзале бродяжничать. Всё к поездам ближе, чем не пойми откуда и не пойми как сюда добираться".

На этом глубоко мотивирующем умозаключении Углёнок, не забыв подцепить на прощанье несколько карамелек в качестве откупных, подтянулся, перевесился через край сумки и спрыгнул на мраморный пол. Едва увернувшись от ног следующего за дамой пассажира, сига-

нул под ближайшее кресло, выглянул оттуда и не понял, куда же ему идти. Чтобы определиться с направлением, ему пришлось вскарабкаться по стоящему возле ряда сидений чемодану на спинку кресла, но и там обзор был не ахти. Тогда он, по достоинству оценив шляпу сидящей рядом дамы, напоминающую гнездо, решил использовать её по прямому назначению, то есть как-то самое гнездо, откуда должно быть видно всё в округе. Не обращая внимание на неудобство, которое он причиняет, шустро карабкаясь по руке на плечо, а с него уж и в свой наблюдательный пункт, домовёнок встал на шляпе во весь рост и начал на ней топтаться, высматривая выход. Он почти сразу его увидел и успел спрыгнуть на пол, когда поправлявшая свой головной убор дама в сдвинутой Углёнком шляпе набекрень очень нелестно отозвалась о своей соседке, которая настолько проворна в своей слоновьей неповоротливости, что может служить в танковых войсках в качестве танка, одним своим видом распугивая неприятеля. Домовёнок не видел и не слышал уже, что ответила соседка этой самой дамы, но чувствовал внутреннее удовлетворение, сознавая, что сделал тему для разговора, и теперь пассажирам будет не так скучно сидеть в ожидании своего поезда.

А сам он уже мчался со всех ног в заданном направлении. Внутренние часы тикали очень быстро, придавая ускорение его ногам. Но в пути встречались препятствия, которые требовали время на то, чтобы их миновать. Одинокие пассажиры с поклажей, целые семьи пассажиров с кучами сумок и чемоданов, зеваки, стоявшие перед табло, разинув рот и читая информацию на нём. Всех надо было оббежать, тратя бесценные секунды. Но хуже всего было осознание того факта, что по неосторожности какого-нибудь недотёпы или по иной другой случайности он мог быть покалечен или раздавлен. Стараясь не думать об этом, но глядя при том во все глаза, Углёнок в пылу бега пропустил два важных момента: первый, когда боковым зрением увидел летящее в него справа нечто жёлтого цвета, от которого он ловко увернулся, продолжив свой бег, а второй: когда до дверей оставалось совсем чуть – чуть не услышал объявление о том, что поезд, в котором он ехал с Кишь-Мишем, отходит.

Ну вот, наконец, и двери! На одном дыхании проскочив между чужих ног междверное пространство, в простонародье именуемое тамбуром, он затормозил пятками и резко ушёл в сторону под прикрытие серой стены. Люди впритирку к стенам никогда не ходят. Они любят расталкивать друг друга, выбирая для себя центральное направление. А те, кому не посчастливилось быть убраным с дороги наиболее сильным или наглым, всё одно встают к нему в спину и следуют по расчищенному от других бедолаг пути, пользуясь чужой силой и хамством. Но ближе к центру хотят быть все, явно или исподтишка. На этой слабости людей к самоутверждению в среде себе подобных, пусть и незнакомых граждан, зиждилась способность к выживанию и даже процветанию не только домовых и прочей неприметной мелюзги из кутного народа, но и кое-какой нечисти, вредной для всех типов живых созданий. Поэтому вполне логично, что нашему путешественнику самым удобным местом для возможности оглядеться и перевести дух был именно пристенок за входной дверью, которую он успешно миновал. А когда он огляделся, то, увидев площадь перед вокзалом, окружённую высокими домами и наполненную гулом машин, но не поездов, с грустью понял, что выскочил он не в тот выход. Но не таков был уже Углёнок, чтобы смириться и опустить руки, покоряясь судьбе. Набрав полную грудь воздуха, он чёрной молнией понёсся сквозь дверной проём, беспечно, не думая о собственной безопасности, и ворвался обратно в тамбур, привычно огибая чемоданы и людей. Только разогнаться ему на этот раз не удалось. Что-то жёлтое и не очень твёрдое прицельно попало в

голову, и домовёнка завалило на заляпанный уличной обувью пол. Поднимаясь с пола и находясь в полном изумлении, Углёнок оглядывался, вертя своей головой так, словно это чужая голова, и оторвать её было бы не жалко. Он попятился под привычное прикрытие стены, вжимаясь в неё спиной, тщетно стараясь стать незаметным для двух одинаковых фигур в серых просторных штанишках и куртках с надвинутыми на глаза капюшонами. Губы одинаковых ехидно ухмылялись под длинными носами, а в руке одной из странных фигур желтел мяч.

Глава 12.

– Чур меня! Чур меня! Изыдите, анчутки подвокзальные! Это я вам говорю, потомственный домовый!

Углёнок мучительно пытался вспомнить всё, что слышал или знал о том, как отвадить различных тёмных пакостников, живущих рядом и иногда отважившихся нарушать сложившийся порядок и чужое спокойствие. Но более тех слов, которыми иногда беззлобно перебрались мать и отец, загнанный матерью и её ложкой куда-нибудь на антресоль, вспомнить он ничего не мог. Тем временем Серые, подойдя почти что в плотную к сжавшемуся в ожидании чего-то нехорошего домовёнку, повернули носы друг к дружке и внезапно залились таким звонким и искренним девичьим смехом, что Углёнок, не поверив своим ушам, решил, будто в его уши вливается перезвон серебряных колокольцев, который слышал когда-то по телевизору. Серые, между тем, держась за животы от хохота, кривлялись и, показывая пальцами на Углёнка, пытались что-то сказать друг дружке, но давились при этом собственным смехом ещё больше.

"Эти двое невелики ростом, – совершенно серьёзно размыслил домовый, больше не чувствуя угрозы, – на полголовы ниже меня будут. Если их посильнее оттолкнуть под ноги людям, то я смогу проскочить в дверь и запросто успею на поезд. Теперь-то ясно, в какую сторону бежать следует!"

Углёнок сжался, как пружина, готовясь к рывку, но что-то сдержало его порыв. Это было неясное чувство, сродни тому, когда заведомо сильный побеждает слабого, а потом испытывает угрызения совести от проявления собственной силы, причинившей вред или даже увечье. Коря себя за нерешительность, домовёнок откладывал на секунду, потом ещё и ещё воплощение своего плана в действие, но всё никак не мог собраться, чтобы скинуть одного из серых под грубую человеческую обувь и открыть себе путь к свободе.

"Наверное, так действуют на меня их чудные голоса", – подумалось несмело ему, и он зажал уши руками. Тут с одной из фигурок слетел невзрачный капюшон, когда та, кривляясь от безудержного веселья, резко вскинула голову назад и открыла милое девичье личико, обрамлённое иссиня-чёрными волосами с серебристой прядью, что были спрятаны сзади за шиворот, а по лбу перетянуты яркой алой лентой. Большие зелёные глаза искрились весельем, а девчонка, наконец, смогла вымолвить сквозь смех, показывая на себя пальцем:

– Это я-то, анчутка подвокзальная?! Это меня, чур? Ха-ха-ха! Ну, уморили! – и продолжила заливаться искренним весельем.

А Углёнок лишь выдохнул с облегчением, но продолжал смотреть на неё во все глаза, медленно покрываясь испариной, только что осознав, кого он собирался толкнуть под тяжёлые ботинки. Он опять сжался, но теперь от страха перед несовершенным преступлением, то ругая себя за это неосторожное решение, то хваля за нерешительность и нерасторопность, что помешали сделать этот необдуманный поступок, за который он никогда бы себя не простил, узнай он позже, чьё лицо скрывал капюшон.

"Как вообще можно судить о ком-то по одежде! – вскипала возмущённая совесть. – Ты тоже не у лучших портных одеваешься, так ведь тебя никто под поезд не толкает за это, а наоборот, все считают своим догом помочь тебе и, к примеру, в этот самый поезд посадить. А ты что удумал?"

От угрызений совести домовёнку стало совсем худо. Но как только совесть на секунду умолкла, включился другой внутренний голос, отвечавший за оправдание всяческих неправильных поступков и необдуманных шагов. Он оповестил совесть и разум домового о том, что их хозяин ни в чём не виноват, ведь лицо девчонки скрывал капюшон. Мало того, она сбила домовёнка с ног жёлтым мячом и повела себя довольно-таки странно, глумясь во всю над его словами.

"К тому же, – как рассуждал персональный внутренний адвокат, – ещё неизвестно, чья личина скрывается под вторым серым невзрачным капюшоном. Быть может, там кто-то ужасный, и его толкнуть было бы не грех. Ведь домовёнок наш не решил в тот момент толком, кто полетит под ноги людей. Ему надо было за себя постоять тем или иным образом. Не так ли, Совесть?"

Девчонка с жёлтым мячиком и её двойник, чьё лицо невозможно было разглядеть из-под нависшей на лоб серой ткани, выдавливали из себя последние смешинки, и Углёнок смекнул, что далее последует серьёзная беседа. Её не пришлось долго ждать, а начало этого разговора заставило вновь призадуматься молодого домового о превратностях судьбы и том, что везёт в жизни не только дуракам. А может он и есть дурак, раз ему так везёт, какие бы глупости он не совершал ежедневно.

– Ну, вы, Углёнок, и шустёр! Так бегать нас даже папенька не заставлял. Мы чуть не выдохлись, метаясь за вами по всему залу ожидания.

– А добить нас, по-видимому, вы решили окончательно своими "анчутками подвокзальными", – неожиданно голосом девчонки с алой ленточкой на лбу молвил другой обладатель серого капюшона, и парочка вновь залилась беззаботным смехом, но уже недолго. Прислушиваясь к этому голосу, Углёнок не сразу обратил внимание на то, что незнакомец назвал его по имени.

"Да у них же голос один на двоих! Бывают же чудеса на свете! – пронеслось в его голове. – Такой серебряный перезвон раз услышишь, во век не забудешь!"

– Ну, будьте здоровы! – поприветствовала его, наконец, закрытая капюшоном личность, поняв, что не с того начала свою речь. – А нас за "мячиком по голове" вы уж не обессудьте. Не можно было до вас никак иначе достучаться, чтобы вы не бегали ровно угорелый из конца в конец нашего вокзала. Вот Маковка и приложилась вам, извиняюсь, по маковке. Не дюже больно? Ну и ладно. Главное, не серчайте на нас.

– Какая Маковка к маковке приложилась? – Углёнок стал проявлять непростительную несдержанность, вызванную недопониманием сути происходящего, а дошедшие до него постфактум первые слова Серого Капюшона эту несдержанность в речи свели до уровня бестактности, не свойственной воспитанным домовым. – Откуда вы вообще знаете моё имя?! Да кто вы такие, в конце концов? Я на поезд спешу! Мне идти надо!

"Красная ленточка" потянула капюшон с головы напарника, и тот соскользнул на плечи, открывая Углёнку ответы на некоторые вопросы, родившиеся в течении прошедшей минуты и терзавшие его сознание. Совершенная копия первой девчонки, но с розовой лентой, стягивающей волосы, стояла перед ним. Даже их серебристые пряди нисколько не отличались. Две капли воды были менее похожи, чем эти двое.

"Близнецы! Вот удача, так удача! Любой домовый знает, как повезёт встретить на своём пути двух одинаковых домовых, словно отражения в зеркале. Это знак, который мне, непутёвому, преподнесла судьба! Правда, неясно, за какие такие заслуги".

Эти радужные мысли поменяли настроение Углёнка и заставили улыбнуться, пока он во все глаза рассматривал близняшек.

– Муха залетит! – засмеялась Розовая ленточка.

– Чего? – помешкав, спросил домовёнок.

– Рот закройте, чтобы мух не пускать! – смеялась рядом с Розовой ленточкой Маковка, дошло до Углёнка имя девчонки с Красной лентой на лбу.

– Так вы, оказывается, двойняшки!

Девчонки опять излили волшебной музыкой свой смех, и, по мнению Углёнка, даже люди стали замедлять свои шаги и озираться недоумённо по сторонам, услышав прежде неведомые им звуки, но, подталкиваемые в спины спешащими следом пассажирами, неохотно плелись дальше на выход.

– Нет, не двойняшки!

– А кто же вы?

– Пойдёмте с нами. Тогда и узнаете!

Не заставляя просить себя дважды, Углёнок отлип от стены и сам уже заторопил недвойняшек, объясняя на ходу, куда он так сильно спешит.

– А вы не торопитесь, поезд ваш уже ушёл, – спокойно молвила ему Розовая ленточка.

– Не поймите неправильно мою сестру Розочку, – заметив нервную реакцию Углёнка на игру слов, примирительно пояснила ему Маковка, – она всего лишь имела ввиду состав, на котором вы ехали со старым Кишь-Мишем, а вовсе не то, что вы упустили что-то важное в своей жизни.

Маковка окончательно запутала неискущённого домовёнка, и тот призадумался, отвлёкшись от происходящего на миг:

"Они похожи, но не двойняшки. Поезд уже ушёл. Поезд упущенных возможностей. Что за загадочная пара, говорящая загадками и знающая моё имя и имя толстого вагонника? Волшебство, не иначе. Да ещё на вы ко мне обращаются. Но ведь я один. Или им кажется, будто меня много. Надобно держать с ними глаз остро да ушки на макушке".

Единственное, что он понял из происшедшего сумбура, в который угодил, так это то, что есть две сестры: Розочка и Маковка. Маковка жёлтым мячом приложила его по голове, чтобы он перестал носиться по вокзалу, как чумной, потому что устали они, видите ли, гоняться за ним. Но поезд его при этом уже ушёл. Чудно как-то!

Углёнок отрешённо вынул из кармана конфету и задумчиво принялся разворачивать фантик, запихав в итоге карамельку в рот. Глаза девчонок загорелись, как только они углядели сладость в его руках, и они синхронно повернули друг к другу носы, оказавшиеся не такими уж и длинными, а просто очень прямыми, не как у курносого Углёнкина семейства. Сёстры, словно обменявшись мыслями между собой, в одно движение цепко ухватили Углёнка за рукава и прижали обратно к стене. Глазки их блестели, а голоса зазвучали убаюкивающе и действовали на Углёнка гипнотической магией спокойствия и желания слушать их ещё, и соглашаться с ними во всём.

– А ты такой смелый, что в дорогу дальнюю сам один собрался.

– И смыслённый такой! Ведь не каждый домосед в чуждом ему месте правильную дорогу сыщет.

– А глаза какие у него серьёзные! Ты только глянь в них, сестрица. Настоящий странствующий кутник, не дать не взять.

– Да, сестрица, возмужалый он не по годам! На таких вот крепких молодцах весь наш народ держится.

– И то, правда! Только в толк никак не возьму, чего это он с конфетами носится? Не к лицу такому молодцу со сладостями в карманах разгуливать. Отдал бы их уже кому-либо, не то обсмеют славного домового за детские пристрастия. Правильно я думаю, Маковка?

Дожёвывая липкую, но очень вкусную массу, Углёнок поднял к глазам руку с зажатым в ней фантиком, и до него дошло, чего, в конце концов, добиваются эти прелестные создания, затеяв ещё одну странную беседу. Вздыхнув с облегчением и улыбнувшись сам себе в качестве поощрения за догадливость, домовый вынул из карманов весь невеликий запас карамели и забубнил набитым ртом своим визави:

– Берите, берите конфеты! Мне они ни к чему! Это для вас!

– Нарочно для нас насобирал, что ли? – с подковыркой поинтересовалась у Углёнка Розочка.

– Знал, поди, что красавиц здесь повстречает! – хихикнула в ответ Маковка.

Очень аккуратно и в то же время проворно сладости переключали в руки девиц, и те, повернувшись спиной к домовому, зашуршали фантиками. Прошла минута наслаждения лакомством, и сестры опять повернулись лицом к Углёнку:

– Торопиться нам пора, – в унисон произнесли они весьма настоятельным тоном.

– К тому же Дубок, поди, твой мешочек из вагона приволок, – добавила от себя Маковка.

Сёстры деловито повернулись одна к другой, осмотрели внимательно себя, словно отражение в зеркале, тщательно вытерли платочками следы от конфет на озабоченных личиках, словно умелые преступницы, скрывающие улики.

– Это чтобы батюшка наш не заметил, – пояснила Розочка неумело делающему безразличный вид домовёнку.

– Батюшка порицает нас за сладкое и даёт лишь полезную пищу. Это для того, чтобы мы быстрые были, словно ласточки, и ловкие, будто ящерики. Не поощряет он, когда мы по полу передвигаемся. Народу много ходит, того и гляди, раздавят. Вот и наострил он нас по вершкам перескакивать. С киоска на карниз, с карниза на чемодан. На чемодане прокатиться можно, коль попутчик в правильном направлении движется, а там ещё куда перескочить – не проблема. Но для такого прыганья ловкость необходима невероятная. Вот и сидим на диете, – закончившая говорить Маковка с грустинкой вздохнула.

Розочка обратила на этот вздох внимание и сказала Маковке с укоризной:

– В жестоком мире живём, сестрица. Выживать как-то надо. Али детство наше запомнела? Да и нет в том ничего худого, что по вершкам скачем, ровно макаки сингапурские. По верху не только безопасней, но и быстрее.

На этом разговор был закончен, и близняшки накинули капюшоны в знак того, что пора двигаться в путь. Они втроем просочились в дверной проём, и одна из серых фигур метнулась в бок, за три прыжка преодолев чужой чемодан, плечо его хозяина, в суতোлке не обратившего на это никакого внимания, и взлетела третьим прыжком на крышу стоящего киоска с большой надписью "ЗАКРЫТО". Только её и видели. Ну а вторая сестра, Углёнок даже не пытался угадать, которая, ловкими зигзагами понеслась вперёд, указывая правильный путь, словно волшебный клубок из правдивых маминих сказок на ночь. То и дело оборачиваясь на запаздывающего Углёнка, которому было далеко до ловких девчонок, даже не смотря на его скоростные качества, она притормаживала в ожидании отстающего. Он же иногда терял её из виду, чему причиной был серый костюмчик, идеально растворявший девчонку в серости вокзала.

"Какая правильная маскировка! – восхитился домовёнок. – Такую не то, что прямым, косым взглядом не заметишь, хоть все глаза сломай!"

В таком порядке они добежали до широкой каменной лестницы, по пролёту которой, что вёл вверх, неспешно, под тяжестью личного багажа, шли люди. Второй пролёт этой лестницы был короче верхнего и вёл в низ, в плохо освещённое помещение, заканчивавшееся дверью, ведущей в подвал и запертой на всякий замок. На краю верхней ступеньки этого пролёта уже сидела вторая серая сестрица, в нетерпении болтая ножками и вертя головой в ожидании отставших. Завидев сестру и Углёнка, она не стала более дожидаться, а вскочила на ноги и в три длинных прыжка, преодолев дистанцию до закрытого на замок прохода, скрылась в щели между неплотно прилегающими друг к другу створками дверей.

Углёнок остановился, чтобы перевести дыхание, но провожавшая его вокзальница поторопила со вздохом:

– Нам бы поторопиться, Углёнок, – и кивком головы указав на ту же щель между дверями, мышью юркнула вслед за сестрой.

– Тебе ещё бы хвостик и ушки для полного сходства, – подивился вслух её прыти домовёнок и последовал за ней.

Кутники по определению неплохо видят в темноте. Поэтому в полусвещённом тусклыми лампочками коридоре, горевшими через одну, домовёнок чувствовал себя комфортно и, осмотрев давно не крашенные стены, плохо убранный пол, но не найдя в них ничего достойного внимания, двинулся вслед за провожатой, больше ориентируясь по тени, которую отбрасывала её фигурка. Они двигались недолго, пока шустрая девчонка не приблизилась к одной из дверей, что чередовались по левой стене, и не юркнула в небольшой самодельный проход, прикрытый аккуратно изготовленной створкой. Углёнок, встав истуканом рядом с этой дверью, чего-то ждал, не решаясь войти. За дверью тем временем раздался гулкий голос. Представив внешность его обладателя, домовёнок погрузился от мысли, что если это враг, то дело худо. Но повеселел, отбросив такую нелепость, пришедшую в уставшую голову, потому что, скорее всего, это друг. А друзей с такой внешностью, какая нарисовалась в его воображении, иметь весьма полезно. Обладатель голоса вещал с укоризной:

– Не очень хорошо, девочки. Лично я рассчитывал, что управитесь вы гораздо быстрее. Уже и крылышки Варнаку почистил! Сколько времени мы потеряли! Не вернёшь его вспять, а поезд с каждой секундой всё дальше от наших мест. Наш малец уже и мешочек домового с поезда приволок, а вас всё нет и нет! Но где же сам тот шустрый малый, что от поезда отстать умудрился?

Углёнок стоял у входа в закуток, по-прежнему не решаясь заглянуть в него и раздумывая над тем, чтобы значили слова, сказанные голосом, будто бы чеканившим каждую произнесённую букву. Вдруг кто-то положил ему руку на плечо и спокойно произнёс медовым голоском:

– Чего застыл, ровно монумент на площади? Батюшка ждёт тебя, не дождётся. Да и нам уже порядочно влетело за задержку. Ты чего? Испугался? Ха-ха-ха! – весело засмеялась

серая тень знакомым голосом, когда Углёнок от неожиданности подскочил на две трети своего роста.

Тяжело выдохнув после приземления, домовый с укоризной оглядел одну из сестриц и послушно проследовал за ней, влекомый за рукав рубашки.

За самодельной дверью собрались все действующие лица: уже знакомые сестры, очень высокий для домового плечистый дядька с мощными руками и расстёгнутой на могучей груди серой рубахе. Этот обладатель короткой белой бороды и чёрных, на прямой пробор стриженных волос, смотрел твёрдым, не допускающим пререканий взглядом, уперев при этом руки в боки, что лишний раз подтверждало непреклонность его характера.

"Вот это сила! – мысленно восхитился Углёнок обладателем мощного голоса. Ведь это был, несомненно, он. В воображении домовёнка он рисовался тоже весьма фактурной личностью, но без присущего оригиналу благообразия. – Надобно над своим воображением поработать. Слишком много недостойного начинаю себе думать о незнакомцах. Так ведь можно и обидеть кое-кого из тех, кто мысли читать умеет. А такие среди нас встречаются нередко".

Но вот к четвёртому присутствующему в закутке лицу было бы трудно применить даже пятую часть эпитетов, заслуженно присущих батюшке озорных сестриц. Он был скорее некачественной копией могучего вокзального. Пухлый и розовощёкий ровесник Углёнка лишь отличался немаленьким ростом, но был отягощён лишним весом весьма изрядно. Зато он смотрел на домового с нескрываемым восхищением во все глаза, полуоткрыв при этом рот и абсолютно не стесняясь щенячьего восторга по поводу появления в их закутке приезжего. Не теряя времени, переросток заявил своим зычным голосом, который тоже не дотягивал до тембра белобородого вокзальника, но при этом три свечи из доброго десятка освещающих помещение, полыхнули, а две погасли:

– Вот какие они, настоящие Странствующие Кутные! Сколько их полегло в пути-дороге, вдали от отчего дома! Ни Маре, ни Перуну то неведомо! А ведь всё бредут куда-то, ищут чего-то! Ничего при этом не боятся, а идут себе вдоль дороги да поперёк судьбы и идут!

– Цыц, Дубок! Думай наперёд, прежде чем сказать! Мы пособить домовому собрались по просьбе нижайшей нашего друга вагонного, а ты речи мрачные ведёшь!

Дубок опустил взгляд и осознав неловкое положение, в которое поставил свою семью, стараясь оправдаться перед ними, примирительно молвил в ответ:

– Так ведь я только рад помочь, да знать бы чем! А что сказал не то, так это не со злого сердца, а по невниманию своему, – он вытер на последнем слове повисшую из носа соплю домовёнкиным мешочком с запасами чая, словно носовым платком. – Я ведь впервые такое геройство перед собой вижу!

– Ладно, уже! Хватит ласы точить! Пора домового в путь собирать, – негромко прикрикнул на семейство старший вокзальный и обратился непосредственно к Углёнку:

– А ты, востряк, карту, Незабудкин подарок, вынимай, да глядеть давай, куда тебя доставить надобно.

Домовёнок протянул руку к своему мешку, который мял смущённый Дубок своими толстыми пальцами, и выразительно на него посмотрел.

– Дубок всё понял! Дубка дважды просить не надо! – радостно воскликнул увалень и сам стал развязывать мешок, в неумелых попытках нещадно терзая его лямки, за что был опять обласкан крепким словом и послушно отдал мешочек Углёнку, смущённо проронив:

– Я ведь только помочь хотел!

"Вот потому-то они и не двойняшки, что брат у них имеется, близнец. Чего же было загадками говорить? Или они слова на вес золота считают и боятся лишнее обронить? Интересно знать, какие ещё секреты они таят?"

Недовольный ненужной скрытностью сестриц, Углёнок ловко распутал узелок и извлёк под скудное освещение изрядно помятую к тому времени карту.

Над картой склонились все вместе, пристроив рядом лист с расписанием поездов и каким-то образом оттеснив Углёнка, стали без него обсуждать, на какую станцию его отправить, чтобы вновь посадить в ушедший без домового поезд.

"Получается, что добрый вагонный организовал эту незабываемую встречу с серыми сёстрами и их отцом. Знать, быстро сообразил: встретиться до отхода состава не выйдет, как не крути. Но как слово своё держит! Или Незабудку боится, что, впрочем, не важно, потому что так всё идеально обеспечил – хоть ещё одну медальку ему на грудь вешай! Недаром он по всем станциям урюк-изюм торгует, коль таких знакомых ему иметь довелось! И когда он только всё успел проверить?"

Углёнок размышлял в сторонке над событиями сегодняшнего дня, исподволь наблюдая, как инициатива по прокладке маршрута перешла в руки Дубка. А тот, проворно тыча толстым пальцем в карту, сверял названия городов с таблицей в расписании, что-то прикидывал, шевелил губами, поглядывая на небольшие часики без ремешка. Близняшки и отец не отвлекали его от работы, а порой одобрительно кивали головами и тихо обменивались между собой короткими репликами. Про, когда бородач гулким голосом объявил:

– На чай и плюшки рассчитывать в нашей ситуации не приходится, потому я тебя сейчас отведу в стойло, и помчишься ты, что голубь под облаками, к старому Кишь-Мишу. Ох, как он по перрону катался на своих коротких толстых ножках. Это надо было видеть! Как он ловко выписывал кренделя на асфальте, покуда его бесполезную суету девчонки своим жёлтым мячиком не прервали! Но добрая просьба и мешочек сухофруктов в качестве дополнительного аргумента сделали своё дело. Уж больно он за тебя переживал, и содействие посильное оказывать умаял! Ты ему, случайно не родственником приходишься?

– Нет. Тут дело несколько иначе обстоит. Но вам лучше не знать подробностей, – скромно пресёк дальнейшие расспросы домового.

– Ну-ну, – хмыкнул вокзальный и невольно улыбнулся, не менее скромно закрывая улыбку широкой ладонью.

– А я что вам говорил, – вдруг забасил Дубок, отвлекаясь на время от карты, – не простой это Путник! Вестимо, сила стоит за ним неведомая! Век с вокзала не уйти!

Глава 13.

Не спеша, переставляя ноги по давно немывтым квадратам кафельной плитки, коими был устлан в подвале пол, пять маленьких теней шествовали друг за другом по коридору. На каком-то из поворотов кутники по очереди проникли в нишу, образованную в стене благодаря отсутствию двух кирпичей. Оказавшись в ней первым, широкоплечий бородач зажёл свечу. В ответ на свечной огонёк в самом тёмном углу зажглись сразу два неярких оранжевых фонарика, и Углёнок направился в тот угол, следуя за новыми знакомыми. По мере приближения к таинственному свечению, Углёнок замедлил шаг, справедливо опасаясь странного существа, покрытого грязной серой шерстью и смотревшего на идущих впереди главу семейства и Дубка добрыми оранжевыми глазами с маленькими чёрными точками зрачков. Внимательно глядя на лежащее в углу чудище, Углёнок удивился, наблюдая, как оно приветливо улыбается вошедшим. Однако, переведя взгляд на домовёнка, существо сузило глаза и плотоядно ухмыльнулось.

– Здравствуй, Варнаша! – светясь во мраке, наверное, от радости, закричал зверю Дубок и обхватил руками могучую шею. Варнаша облизнул Дубка одним движением раздвоенного на конце языка, сделав лицо увальня мокрым и блестящим. При этом он покосился на Углёнка и, приподняв краешек верхней губы, показал ему зуб, явно выражая своё недовольство, присутствием постороннего лица, намекая непрошеному гостю на что-то нехорошее.

Домовёнок произвольно отшагнул и наткнулся спиной на близняшек, причём сразу на обеих. Маковка и Розочка весело рассмеялись и попросили домовёнка не пугаться домашних питомцев, а после тоже бросились обнимать зубастого.

– Любят они всей душой Варнашку нашего, – с теплотой в голосе произнёс их отец, даже не повернув к Углёнку свою голову, но обращаясь именно к нему. – Он остался при нас ещё с прежней нашей жизни. На нём мы сюда и долетели из того края, где заходит солнце. Почему он к нам прибился, мы и сами не знаем, а он о том молчит. Видно по всему, что из другого мира к нам попал, когда под Полюнью полыхнуло. Тогда все миры в том месте на миг смешались, а когда вернулось всё назад, то так, как прежде было, уже не стало. Начался в тех краях невиданный доселе мор. Люди стали уходить с насиженных мест, побросав свои дома и квартиры. Мы, бедолаги, знать не знали, в чём беда. Один соседущка заболел странной болезнью и испустил дух, затем другой. А потом целыми семьями народ наш древний, всякие напасти повывавший, хворь смертельная выкашивать стала. Старухи, ведуньи-травницы, спасти никого не сумели и сами ушли к предкам. А боги наши ответа нам не давали, как только старики с ними не общались. В замешательстве и недоумении находились наши боги. И матушка наша преставилась. Растаяла ровно Снегурочка по весне. Только те, что по крепче были, видя такое дело, скарб свой нехитрый по мешкам рассовали, да в путь-дорогу собрались. Пошли со всеми и мы. Я, сынуля мой, весь в язвах да волдырях, притом худющий, как болотный тростник, да две дочурки на руках. Обе дышат через раз, кожа облезшая мотается по ветру. Брели мы долго. Тех дней в пути не счесть. Спутники наши кто полёг в дороге, кто с пути свернул, ища лёгкую тропу, а кого и нечисть лесная по ночи уволокла. Она и прежде была зла до безобразия, а после взрыва в каждую тварь ровно по два дополнительных чёрта вселилось и спасу от ней не стало. "Всё, – думаю, проснувшись как-то утром и сосчитав детишек, – зажились мы на этом свете, пора и на тот по Калинову мосту переходить". Но тут заметил, трепыхается кто-то слабенько на соседнем дереве. Я – топор в руки и туда. И что я вижу? Наш красавец, – бородач указал рукой на Варнака, чтобы Углёнку было понятней, о ком идёт речь, – не менее худющий и измождённый, чем мы, висит на стволе берёзки и смотрит по сторонам так жалобно, что сердце у меня сжалось, и заплакала душа. Тут я смекнул, мол, что-то здесь не чисто. Не бывает подобных зверей в нашей природе. Уж я-то пожил, я знаю! Но вспомнились прабабкины слова, будто из иного мира в наш какая-никакая нечисть изредка да попадает, коль случится некая каверза со временем да со всем сущим хоть на миг. Бывает и так, что наш брат-кутник да людишки или зверьё разное пропадают неведомо куда в тот же самый момент. Не все, конечно, а лишь те, что оказались в ненужном месте в неурочный час. Так и этот зверь оказался в нашем лесу. Но что характерно, он в дерево врос одной лапой.

– В дерево? Да ну! Не бывает такого! – Углёнок был поражён услышанным, и, хотя верил вокзальнику в глубине своей души, однако всё же не укладывалась в голове подобная небывалица.

Он по ходу рассказа белобородого великана попытался сосчитать лапы Варнака. Но их было не видно под мохнатым брюхом и частично из-за ног Дубка и сестёр, что облепили его, будто мухи что-то липкое и сладкое, либо тёмное и вонючее. Углёнок ещё не определился в своём отношении к пришельцу из другого мира, который ему вроде и угрожал, но оказался таким милым к его новым друзьям.

– А вот и может! – продолжил вокзальник. – Летел, говорит, на солнышке погреться да травку пощипать, как всё вокруг заблестело и светом в глаза ударило, перевернуло вверх тормашками, и он отключился. А когда глаза открыл, придя в сознание, то обнаружил себя на незнакомом дереве посреди незнакомого леса, да к тому же став частью местной флоры, ибо задняя лапа проходило сквозь ствол, высываясь с другой стороны дерева, словно ветка. Лапке было очень больно, пить сильно хотелось, да и поза вниз головой была вовсе не комфортной. Так и висел счёт времени потерявши, исхудавший да обессиленный.

– Травкой питается? – опять не принял на веру слова вокзальника Углёнок.

– По правде сказать, и мы не больно в это верим. Ведь при нас траву он так и не пробовал ни разу, хотя приносили ему по началу. А как окреп, так всё мышами да змеями себя потчевать

изволил. Иногда даже на более крупную дичь посматривал. Но мы за ним приглядываем и сдерживаем от неразумных поступков. Да только Варнак он и есть Варнак. Нас он любит, если так можно сказать, потому не трогает. А что он по пятницам в ночь вытворяет, когда я его полетать да пожрать выпускаю, того мне не ведомо. Хотя возвращается к рассвету сытый и довольный. На неделю ему, стало быть, хватает. Но слушай дальше мой рассказ. Висит это животное и смотрит мне, значит, прямо в глаза. А я и взгляд свой оторвать не могу. И как-то мысль сама в голову пришла берёзку подрубить. Благо не толстый был ствол, топор востёр, да и мы к труду с детства приучены. Но как та берёзка наземь рухнула, так и я рядышком без сил свалился. Хотел дальше помочь, но уже не мог и пальцем пошевелить. А Варнак, словно духом воспрял, да как вцепился клыками в тот ствол и давай его рвать, ища свободу. Только щепки да обломки клыков в стороны летели. Кстати, кровь у него синяя. Смекаешь? Ну, клыки, конечно, он себе новые потом отрастил. Дальше что происходило, – не помню. Слаб я был очень в то тяжёлое время. К тому же на подрубке берёзки в конец умаялся. Пускай и не разглядывал себя в зеркала, да только, думаю, мало чем отличался от деток своих по красоте обличия. Очнулся я в сумраке, накрытый заботливо крылом. Выбрался, значит, я из-под крыла, а с неба дождь льёт. Тогда я, не жалея ног, помчался к детям. А те лежат вповалку и едва дышат. Что делать? Крыши нет, вода поганая с неба капает. Это через неё в округе многие язвами покрылись. Я хватаю в охапку девчонок и бегу назад. Крыло Варнаку поднял и их туда, а сам обратно за Дубком, хоть и не таким именем его в то время звали. Вернулся я с ним, кое-как другим крылом накрыл его и себя, да впал в забытье, но наперёд успел сказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.